

Отдел
Родных
Дел

15678

№ 2105

ИДИЛЛИИ

Владимира Станева.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ
1820.

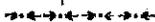
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНО
ИЗДАНИЕ А. И.
ГЕРШКО

СПбГУ

Е II 2108

И Д И Л Л И И

В Л А Д И М И Р А П А Н А Е В А .

Il faut que l'amour des pasteurs soit aussi pur que le cristal de leurs fontaines; et comme la plus belle bergère perdoit tous ses attraits en perdant la pudeur, de même le principal charme d'une pastorale doit être d'inspirer la vertu.

FLORIAN.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1820.

3546

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министрства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки, одинъ для Императорской Академіи Наукъ и одинъ для Санктпетербургской Духовной Академіи. Санктпетербургъ. Ноября 8 дня 1819 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Из. Тилковской.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Происхожденіе Пастушеской, или справедливѣе, Сельской Поэзіи теряется во мракѣ древности. Мнѣнія ученыхъ о томъ различны. Одни полагали колыбелью оной Сицилію, другіе Аркадію, третьи Лаконію; и честь изобрѣненія стихотвореній сего рода поперемѣнно была приписываема то Дафнису (1) Эокристу и Спезихору, то самимъ даже богамъ: Меркурію, Аполлону, Бахусу, Пану, Сильвану (2). Не османиваясь на сихъ без-

(1) Сицилійскому Пастуху. Говорятъ, что онъ родился въ лавровой рощѣ. Нимфы воспитали его, а боги надѣлили красою, пріятностію, даромъ Поэзіи, искусствомъ играть на семигласной свирѣли. Ему приписываютъ не только учрежденіе пастушескихъ споровъ, но даже утверждаютъ, что онъ первый соединилъ въ нѣкоторое общество разсѣянныхъ пастуховъ отечественной страны и научилъ ихъ наслаждаться жизнью. По сказанію стихотворцевъ, Дафнисъ умеръ отъ мученій любви.

(2) Принимая Пастушескую (Сельскую) Поэзію въ смыслъ просиранномъ, кажется справедливѣе было бы назвать оццемъ ея Гезіода, шворца *Поэмы Работы и Дни*.

полезныхъ изысканіяхъ, скажемъ, что Паспущеская Поэзія, изображая преимущественно нравы и образъ жизни людей первобыннаго міра, должна быть современна началу соединенія ихъ въ обществѣ. Выгоды и благошворныя слѣдствія сего соединенія, пробудивъ въ душѣ челоуѣка дремавшія дополь чувствованія и помысленія, должны существовали естественнымъ образомъ пробудить въ ней и желаніе изливаться въ пѣснопѣніяхъ, сообразныхъ тогдашнимъ младенческимъ понятіямъ. Благодарность къ Божеству невидимому, но благому, и любовь были главнымъ, безъ сомнѣнія, содержаніемъ оныхъ (1). Мысль сія есть конечно также предположеніе; но достоверность существованія временъ патриархальныхъ, описанныхъ Моисеемъ, и сколько подобныхъ золотому вѣку язычниковъ, дѣлаешь оное вѣроятнымъ, и едва ли не въ книгахъ Священнаго Писанія должно искать первыхъ слѣдовъ Паспущеской Поэзіи?

Сіи-ли блаженныя времена, дѣйствительнаго бывшія, или порожденныя шокмо вообра-

---

(1) Мы увидимъ въ послѣдствіи, что Идиллія можетъ имѣть форму Оды, Гимна, Элегіи.

женіемъ спихопворцевъ; сіи-шо счастливые обипашели плодоносныхъ долинъ Сициліи и живописныхъ береговъ Ладона, добродѣпельные, проспосердечные, свободные, чуждые всѣхъ спраспей и нуждъ, сполько обыкновенныхъ въ наше время, соспавляютъ, какъ мы уже упомянули, предметъ Паспушеской Поэзіи; а образъ жизни сихъ кевинныхъ людей, ихъ занятія, склонности, чувспвоанія, взаимныя отношенія и красоны природы, до малѣйшей оныхъ подробности — шопъ обильный источникъ, изъ коего дарованіе Поэта почерпаетъ содержаніе и предметъ разсказа.

Не лзя съ досповѣрностію опредѣлить, какъ назывался въ древности сей родъ спихопвореній? По крайней мѣрѣ сочиненія Тео-крипа и Виргилія получили названіе *Идиллій* (*Ειδύλλιον-изображеніе*) и *Эклогъ* (*Εκλογή-отборныя сочиненія*) не оны самихъ спихопворцевъ, но оны Греческихъ и Латинскихъ Грамматииковъ, жившихъ въ послѣдствіи. Сіе двоякое наименованіе одного и шого же ввело ученыхъ въ заблужденіе и послужило поводомъ къ раздѣленію произведеній Паспушеской Музы на Идиллію и Эклогу. Подъ именемъ Идилліи разумѣютъ оны небольшое сочиненіе,

закрывающее въ себѣ пріятное описаніе или повѣствованіе, оны лица самаго автора; подъ именемъ Эклоги — шу же Идиллію, съ нѣмъ различіемъ, что здѣсь авторъ скрывается уже за сцену и даетъ полную волю дѣйствованію своимъ героямъ — разговариванію, пѣнію, или повѣствованію. Эклога сверхъ сего приписываютъ болѣе силы и важности въ содержаніи. Но къ чему служить такое раздѣленіе, когда нельзя положить вѣрныхъ предѣловъ между Идилліею и Эклогою, когда въ одномъ и томъ же сочиненіи встрѣчаемъ ихъ соединенными? Геснеръ чувствовалъ неосновательность сего раздѣленія и назвалъ первый томъ своихъ швореній Идилліями. Самое значеніе этого слова, близкое къ пояшю, какое имѣемъ о Пастушеской Поэзіи, даетъ оному первенство на языкѣ Императоровъ, а имя Геснера дѣлаетъ употребленіе его неподверженнымъ сомнѣнію.

Не одни Пастухи могутъ быть дѣйствующими лицами въ сочиненіяхъ сего рода: — ими равно бываютъ Рыбаки, Земледѣльцы, Садовники и п. п. (1). Вошь причина, по ко-

(1) Напримѣръ: въ Эклогахъ Санназара, въ Идилліяхъ Клейста и Броннера.

порой осмѣлился я назвать Пастушескую Поэзію *Сельскою*. Сіе наименование заключаетъ въ себѣ смыслъ несравненно обширнѣйшій, и шокм принявъ оное, можно безъ ошибки отнести къ сему роду *Георгики* *Виргилія*, *Обитателя полей* *Делия*, *Времена Сень-Ламберша* и другія, кои составляютъ особенное отдѣленіе Сельской Поэзіи, извѣстное вообще подъ именемъ *Георгикъ* (1). Здѣсь Стихотворецъ, не перелетая уже воображеніемъ во времена золотого вѣка, воспѣваетъ красоты природы, удовольствія деревенской жизни, наученіи ими пользовавшаяся и располагать занятіями.

Кромѣ *Идиліи* и *Георгикъ*, область Сельской Поэзіи заключаетъ въ себѣ еще, такъ называемую, *Пастушескую Поэму*, которая, хотя изображена новѣйшими, но поелику въ ней воспѣвается обыкновенно какое нибудь важное происшествіе первыхъ временъ міра, напримеръ: *Авелева смерть*, *Первая Война* и

---

(1) *Георгики* *Виргилія* можно безъ сомнѣнія отнести и къ роду *Дидактическихъ Стихотвореній*; но много ли общаго между ними и, напримеръ, между *Нацкою любитъ* *Овидія* и *Нацкою о Стихотворствѣ* *Буало*?

и другія, що она справедливо можесть бысть причислена къ существеннымъ произведеніямъ Сельской Поэзіи. Что же касается до Пастушескихъ Драмъ и Романовъ (1), сихъ незаконныхъ дѣтей воображенія, которыя будучи утомительны по своей продолжительности, столь неприличной легкому, пріятному сочиненію, обезображены еще соединеніемъ сценъ городской и деревенской жизни: но, вопреки мнѣнію Флоріана, ихъ можно бы совсемъ исключить изъ круга Липшерашурь.

Такимъ образомъ Сельская Поэзія разделяется собственно на Идиллію, Георгіки и Пастушескую Поэму. Займемся въ особенности первую.

Древніе, оставившіе намъ образцы поэмы во всѣхъ родахъ Поэзіи, и вмѣстѣ искренное желаніе съ ними сравниться, не были, кажется, сколько счастливы относительно Поэзіи

---

(1) Первый Пастушескій Романъ: *Любовь Дафниса и Лои* написанъ Лопгомъ, превосходнымъ Греческимъ Поэтомъ четвертаго вѣка. Пастушескія Драммы введены въ употребленіе Тассомъ и Гваринни.

Пастушеской. Конечно Идилліи Теоокрипа (1) исполнены простоты удивительной и живыхъ изображеній природы; но сія простота часно переходить предѣлы, становившаяся, по крайней мѣрѣ для насъ, слишкомъ грубою; но сіе искусство изображать природу, избирая предметы иногда низкіе, переноситъ въ самыхъ мѣлочныхъ подробностяхъ, набросанныхъ безъ разбора и приличія (2). Прямѣнно, что Виргилій (3) старался избѣгнутьъ недоспапковъ

(1) Теоокрипъ, Сиракузянинъ, жилъ во времена Писоломея Филадельфа. Ему приписываютъ приданъ, дошедшихъ до насъ, Идилліи. Кромѣ Теоокрипа, Греки имѣли еще Мосха и Біона; но какъ поны, такъ и другой весьма уже удалились отъ простоты и естественности, главныхъ качествъ Идилліи.

(2) Сямъ можно упрекнутьъ и Броннера, сътою еще невыгодною, что въ его подробностяхъ виденъ часно не простой наблюдатель природы, но ученый натуралистъ. Онъ не забылъ каженся ни одного насѣкомаго, ни одной амфибіи, живущихъ въ водѣ, или при берегахъ озеръ и рѣкъ: спрашиваю, кому пріятно видѣть на сценѣ сельдей, усприць, лягушекъ, раковъ и слизней?

(3) Кромѣ Виргилія, Римляне имѣли также двухъ Пастушескихъ Стихотворцевъ, жившихъ гораздо послѣ него, Тита Юлія Калпурнія и Магнуса Авзонія. Эклоги перваго имѣютъ много достоинства.

своего учителя. Его Эклоги, написанныя прекрасными стихами, были бы образцовыми, если бы менѣ дышали лесною, если бы въ нихъ не намѣкалось о Римѣ и вообще о предметахъ, превышающихъ понятія и свѣденія простодушныхъ обитателей полей. Нѣкоторые Италіянскіе, Испанскіе и Французскіе Поэты впади въ противоположную крайность (1). Желая избѣгнуть грубой иногда простоты Феокриста, они, по сѣдамъ Москва и Бона, удалились отъ естественности. Ихъ Пастухи одыши щеголями: въжвы, какъ Трубадуры; въжливя и осироумны, какъ придворные.

Но несмотря на упрекъ, который сдѣлались мы сдѣлашь Мѣвцу Сициліи, онъ осча-

---

(1) Вошь имена Пастушескихъ Стихотворцевъ, болѣе или менѣ извѣстныхъ у сихъ трехъ народовъ: у Италіянцевъ: Пелларка, Санзаръ, Тассъ и Гварини; у Испанцевъ: Грассилассо, Георгъ де Маншемаіоръ (Португалець), Гильполо, Лонецъ де Вега, Фигероа и Михайль Сервантъ; у Французовъ: Маркизь де Раканъ, Сегре; Гва Дезульеръ, Фошнелъ, Ламошь, Аббатъ Манжеошь, Беркенъ, Леонардъ, двѣца Левекъ, Гжа Вердіе и Флоріанъ. Къ нимъ, съ нѣкоторой стороны, можно присовокупить Деліа и Сень-Ламберша.

вался лучшимъ Паспушескимъ Стихопворцемъ до половины минувшаго столѣтія, и шокмо Пѣвцу Гельвеціи предославлено было превзойти его. Идилліи Геснера, подобно Феокристовымъ, исполнены простоты; но простота сія не имѣетъ уже ничего низкаго или грубаго; онъ также изображаетъ природу, часно въ малѣйшихъ ея подробностяхъ, но пользуется ими съ величайшимъ вкусомъ, съ спрогою разборчивостію; и можно утвердительно сказать, что немногіе стихопворцы достигли столь высокой степени въ искусствѣ живописанъ. Его картинны имѣютъ всю свѣжесть натуры. Самъ Вернень позавидоваль бы Геснеровой кисти (1).

Предшественники сего неподражаемаго писателя, особливо новѣйшіе, кажутся думали, что единственно любовь можеть быть содержаніемъ Идилліи; по крайней мѣрѣ въ ихъ сочиненіяхъ рѣдко найдешь что либо другое.

---

(1) Замѣчательно, что Геснеръ съ успѣхомъ упражнялся въ живописи и гравированіи. Прекрасныя эстампы, коими украшены его пворенія, изданныя въ Цирихѣ 1778 года, въ четвертую долю листа, были имъ самимъ нарисованы и выгравированы.

Но такое единообразіе наскучаетъ, и вопль можеть бысть причина, по которой людямъ, незнакомымъ съ Нѣмецкою Литтературою, не сполько нравился сей родъ Поэзіи (1). Если Пасхухи Аркадскіе были также люди, шо имъ не должны бысть чуждыми всѣ нѣ склонности, чувствованія и связи, кои природа положила основаніемъ человѣческихъ обществъ. Не любовниками шолько — они могли бысть супругами, родственными, дѣтьми, друзьями; не все молодыми и здоровыми — часито старыми и больными; не всегда богатыми — иногда бѣдными. Шо сколько бы ни было въроашнымъ существованіе золотого вѣка; но блаженствомъ совершеннымъ, такимъ, какое обыкновенно сопрягаемъ съ гадательнымъ понятіемъ о Раѣ, смертные никогда на земли не наслаждались: оно принадлежитъ Небу. — Гесперь, можеть бысть,

(1) Нѣмецкая Литтература богата образцами въ семь родъ. Она справедливо можеть гордиться именами Клейсина, Броннера, Фосса, Шмиппа, Росина, Геллерна, Гершнера и другихъ. Шмиппъ бралъ изъ Библии содержаніе для своихъ Идиллій; сцены Росиновыхъ Паспушескихъ Сказокъ взяны, напрощивъ, изъ настоящаго времени. Въ нихъ много вольнаго и соблазнительнаго.

первый, умѣлъ распространить предѣлы Пасшумской Поэзіи. Почтеніе къ богамъ, любовь родительская, дѣтская, супружеская, чувства дружбы и состраданія, рѣзвая веселость и тихая горестъ, коими одушевилъ онъ свои Идилліи, дѣлающъ ихъ разнообразными, правдоподобными, занимательными, близкими къ сердцу всякаго чувствительнаго человѣка, а чпо всего драгоценнѣе, наставительными — прекраснѣйшая цѣль, о коной древніе едва ли и помышляли.

Ночни въ Пасшумскіе Спихопворцы, подражая Феокрину, вводилъ въ свои Идилліи Колдуновъ и Волшебницъ. Конечно понятію людей необразованныхъ свойственно прибѣгать къ пособіямъ чародѣйства; но всегда ли то хорошо, чпо взято съ напуры? И можетъ ли правиться Паспухъ, снискивающій любовь Пасшумки помощію приворожнаго корешка или наговора? — Только цѣною собственнаго сердца долженъ онъ приобретать сердце своей любезной.

Иные, можетъ быть, спросятъ: „для чего Спихопворцы не переселятъ Идилліи въ наши времена?“ — Тогда она совершенно лиш-

лась бы своего достоинства, даже правдоподобия, а писатель увидѣлъ бы себя въ самомъ запруднительномъ положеніи. Извѣстно какковы нынѣшніе пасиухи и земледѣльцы: продолжительное рабство сдѣлало ихъ грубыми и лукавыми. Такими ли привычки мы воображаемъ счастливыхъ обитателей Аркадіи? И можно ли это согласить съ пою невинностію и чистотою нравовъ, съ нѣжными, благородными чувствованіями, въ коихъ должна заключаться сущность Идилліи? — Впрочемъ нельзя утверждать, чтобы умный, наблюдательный писатель не нашелъ и въ образѣ жизни нашихъ поселянъ новаго источника красноты: нужно только умѣть пользоваться онымъ. — Сія выгода, переносить дѣйствіе во времена опустошенія, сверхъ того, чинитъ дѣлаешь повѣствованіе и свойственналицъ правдоподобными, доставляетъ Спихотворцу другую, довольно важную: она открываетъ предъ нимъ богатое поле Мифологическихъ вымысловъ. Выводя на сцену Нимфы и Сатиры, можно придать Идилліи характеръ древности, сдѣлать ее разнообразнѣе, занимательнѣе.

Признано уже, что простона нравовъ вѣка Феокридова и почтеніе, въ которомъ было тогда земледѣліе, много способствовали его успѣху (1). Для насъ, удалившихся отъ природы на такое разстояніе, успѣхъ сей сопряженъ съ великими трудностями; но, не смотря на то, слава Паспушескаго Спихотворца въ нашъ вѣкъ неслишкомъ блистательна. Не поному ли, что звуки свирѣли менѣе громки, чѣмъ звуки трубы и лиры? Нѣтъ, можешь быть поному, что не всякой слухъ способенъ услаждаться нѣжною оныхъ гармонією. Пидилліа никогда не понравилась чловѣку, котораго сердце закрыто уже для сладостныхъ впечатлѣній невинности и милого простодушія, кто незнакомъ съ пріятностями мирной сельской жизни, кто равнодушенъ къ прелестямъ природы и не нау-

---

(1) Мифологія и Исторія подають справедливую причину думать, что паспушеское состояніе было нѣкогда въ большомъ уваженіи. Его не спыдрили цари и самые боги: Парисъ на горѣ Идѣ пасъ спада отца своего, Аполлонъ былъ паспухомъ у Адмета. Вошь поводъ допустить въ дѣйствующихъ лицахъ Пидилліи нѣкоторую степень образованности и познаній.

чился наблюдать тайныхъ красотъ ея, которыя съ перваго взгляда кажутся ничтожными, — кпо, наконецъ, привыкъ находить удовольствіе единственно въ вихрѣ свѣта, а въ произведеніяхъ. Словесности искалъ завыѣливости или высокопарности мыслей. Правда такихъ людей на свѣтѣ больше; но да ушѣщаются послѣдователи Геснера собственнымъ его примѣромъ. „Если я, подобно Теокрысту, понравлюсь немногимъ — сказать онъ въ предисловіи къ своимъ Идилліямъ — то почну сіе счастливымъ знакомъ, что подражалъ ему удачно.“ —

Идиллія, если по примѣру сего писателя будемъ разумѣть подъ нею и Эклогу, можетъ быть описательная, повѣствовательная, драматическая, элегическая и эпическая. Я не останавлиюсь на изслѣдованіи сихъ различныхъ ея видовъ: чтеніе образцовъ покажетъ то яснѣе; скажу только вообще о качествахъ слога оныхъ. Языкъ Паспуховъ есть языкъ сердца, а потому въ немъ должны они искасть выраженій для изъясненія своихъ чувствованій; вселенная ограничена для нихъ усадбою деревни, — пусть же и краспорѣчіе ихъ (вмѣстѣ съ понятіями) будетъ имѣть свои

предѣлы; долины, горы и лѣса суть театръ, на кошоромъ они дѣйствуютъ — вошь источникъ, изъ коего рѣчь ихъ заимствуютъ украшенія поэтическія — Впрочемъ понь разговора, особливо пѣсень, можетъ возвышаться сообразно предметамъ и самому возрасту Паспуховъ. Юноша пѣженъ, весель и безпечень; смарикъ важенъ и поучителень въ своихъ бесѣдахъ; козлоногій Сильванъ грубъ и смѣшонъ, какъ дикая его наружность; ревнивый любовникъ наполняетъ поля и лѣса своими жалобами; счастливый супругъ съ благороднымъ воспоргомъ описываетъ удовольствія семейственной жизни. Всѣ сии различныя свойства и отношенія лицъ должны бышь изложены приличнымъ каждому изъ нихъ образомъ, или иначе, слогъ Идилліи долженъ бышь простъ и чистъ, подобно невинности паспуховскихъ нравовъ; живописень, подобно картиннымъ видамъ сельской природы; благородень, какъ сама добродѣтель.

Сіе краткое обзоріе произведеній Сельской Музы вообще, и въ особенності Идилліи, ведетъ насъ къ справедливому заключенію, что родъ сей составляетъ существен-

ную часть Поэзіи, ибо дѣйствуетъ на сердце и воображеніе; что онъ имѣетъ пайную, можетъ быть, ему одному свойственную, прелесть для души нашей, ибо напоминаетъ ей счастливое время ея младенчества; что наконецъ писатель, посвящающій себя оному, долженъ напередъ изучиться наблюдать природу, познакомиться съ человѣческимъ сердцемъ, и стараться сколько же быть полезнымъ, сколько желаетъ правиться.

Вотъ нѣсколько мнѣ и чужихъ мыслей о Пастушеской (Сельской) Поэзіи. Я счелъ не излишнимъ предложить ихъ мнѣ читателямъ, и, можетъ быть, посчиталъ неоспорочно: шенерь не мудро сбывся со мною извѣстной истины: *совѣтовать гораздо легче, нежели исполнять совѣты*. Но что нужды? Я могу убедиться шѣмъ, что и въ такомъ случаѣ останусь не бесполезнымъ: примѣръ мой будетъ поучителенъ для другихъ, а примѣры всегда убѣдительнѣе наставленій.

Нѣкоторые всѣ просвѣщенные народы упражнялись въ Сельской Поэзіи (1); но Нѣмцы

---

(1) Въ Англіи отличились въ семь родѣ Поле, Томсонъ, Сидней и другіе.

болѣ прочихъ въ оной успѣли (1), и Геснеръ, кажется, возвелъ ее на послѣднюю степень совершенства. У насъ, въ Россіи, поле сіе оспаеши еще невоздѣланнымъ. Скажешь: мы имѣли Сумарокова; правда, но можемъ ли имъ похвалишься (2)?

Сколько сей недоспашокъ нашей Словесности, сколько и собственная склонность слѣдствіе, можешь бышь, образа первоначальнаго моего воспитанія, мирной семейственной жизни и чистаго пребыванія въ деревнѣ, внушили мнѣ намѣреніе испытанья себя въ семь родѣ. Я видѣлъ всю пружинность исполненія; но лучше хощѣлъ заблудиться на степѣ новой, нежели идти избытою дорогою нашей Оды, нашей Басни, и вообще умножить толпу неудачныхъ подражателей лучшимъ нашимъ писателямъ. Геснеръ, попавшійся мнѣ въ руки въ то счастливое время жизни, когда чувствованія, кончи одушевлены его

---

(1) Разумѣя собственно Пастушескую.

(2) Переводы Эклогъ Виргилія и Идиллій Гжи Дезульеръ, которыми подарилъ насъ Г. Мерзляковъ, не могутъ назваться собственностью нашей словесности.

творенія, наиболее дѣйствующе на сердце
человѣка, сдѣлался любимцемъ моимъ, образ-
цомъ, которому я осмѣлился послѣдовать.

Изъ 24 Идиллій, предлагаемыхъ здѣсь суж-
денію читателей, нѣтъ ни одной собственно
принадлежащей Геснеру; но я старался
подражать ему вездѣ, гдѣ позволяли по сла-
бости мои способности и трудность стихо-
сложенія, съ кою въ особенности сопряженъ
сей родъ Поэзіи.

ЛЮБЕЗНОЙ СЕСТРѢ МОЕЙ

ПОЛИКСЕНѢ ИВАНОВНѢ

РЫНДОВСКОЙ.

СП6ГУ

Когда еще, пипомецъ Музы сельской,
Я звуки робкіе свирѣли деревенской
Однимъ лишь роднымъ дубравамъ повѣрять,
Полина милая! не пвой ли взоръ привѣщной
Впервые юнаго поэта ободрять?
Не пвой ли пѣжный вкусъ, спезею непримѣнной,
Меня на берега Ладона провождалъ?
Не ны ли, пола украшенье,
Вмѣстившая въ себѣ (къ чему мнѣ быль льспецомъ?)
Живое рѣдкихъ свойствъ души изображенье,
Была моихъ паспущекъ образцомъ?
Пускай же и теперь, когда въ шуму снолицы,
Гдѣ испари гремятъ лишь арфы да цѣвницы,
Дерзнулъ я повпоришь на деревенской ладъ
Простой Аркадскихъ пѣсень складъ,
Ты будешь первая, къ копшой долепашъ
Ихъ звуки обновлены:

И если (как же быть?) влекомый суетной,
Я родины далекъ, я разлученъ съ тобой;
    То пустьъ они, изъ сердца извлеченны,
    Въ минушы, дружбѣ посвященны,
Съ твоею за меня бесѣдную душой!

И Д И Л Л И И.

СПбГУ

СПбГУ

И Д И Л Л И Я I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СВІРЬАК.

Однажды, споя надъ рѣкою,
Подъ ивою густою,
Такъ Наснушокъ Миршилъ
Безмерныхъ въ горести моилъ:
„Умилосердись, о боги, надо мною!
Внемлите жалобамъ моимъ,
Невольному сердечію, спону!
Вошь двѣ уже весны, какъ я люблю Клеону;
Но ею не любимъ!
Я молодъ, я пригожъ собою:
То каждый ручеекъ Миршилу говоритъ;
Не бѣдень: сию овецъ гоняю къ водоюю —
За чтожь бы кажешся Миршила не любимъ? —
За то, ну сами разсудите,
И горю пособише,
За то, что не умѣю пѣшь! —
Онажь, упрямица, она велитъ умѣшь! —
Знакъ, правда, не худой, но какъ ни принуждаю
Суровый голосъ мой — ей пуще досаждаю.

О боги добрые! лишите стадь меня,

Все у меня возьмите,

Лишь только научите,

Чтобъ какъ нибудь умѣлъ Клеонъ впришить я!

Вѣдь всякой паспушокъ поешъ съ своей любезной. —

Едва Миршилъ умолкъ, вдругъ легкій вѣтерокъ

Повѣялъ на проспникъ, обѣвшій бережокъ,

И звукъ пріятной, нѣжной

Доспигъ его ушей. Онъ къ камышу бѣжитъ,

Прилѣжно слушаешъ, шуда, сюда глядишь,

И видишь наконецъ, что скрывши съмежъ листьями,

Малюшочка Зефиръ въ испоченну червями,

Сухую дуешъ просишь. Трепещущей рукой

Онъ вмигъ ее срываетъ;

Самъ дуешъ въ проспочку, лады перебираешъ,

И проспочка играешъ.

Миршилъ въ восторгъ самъ не свой.

„Вопь что, онъ думаешъ, замѣнишь голосъ мой!“ —

Тогда, какъ говоряшь, предспаль ему внезапно,

Съ зеленымъ плющевымъ вѣнкомъ вокругъ роговъ,

Богъ, покровишель паспуховъ;

Въ минушу изьясниль искусство непоняшно,

Владѣшь свирѣлю научиль. —

Миршилъ, внушенный имъ, любовью вдохновенный,

Съ зарею каждою въ мѣсца уединенны

Украдкой уходиль,

И шамъ свирѣли нѣжны поны

Старался подъ голосъ подлаживашь Клеоны,

Любимы пѣсенки Паспушкины швердиль.

Далеко сладкій звукъ по рощамъ разносился;

Всякъ слушалъ и дивился;

А онъ часъ опъ часу межъ тѣмъ

Игралъ все лучше и складнѣе,

Все спановился веселѣе.

О радость! наконецъ постигъ уже совсемъ

Искусство, данно вышней силой,

И вопль, надежды полнь, иденъ къ суровой-милой;

„Спой пѣсню“ говоришь ей ласково: — поешь;

Наслухъ къ ушамъ свирѣль кладешь —

Играешь —

Клеона слушаешь, и маѣя, умолкаетъ.

Съ сихъ поръ утѣшенный Миршилъ

Клеонъ спалъ любезень, миль;

И тѣмъ приятнѣе свирѣль его играла,

Тѣмъ больше ласкъ она счастливцу распочала.

Онъ вскорѣ всѣхъ игрой плѣнилъ:

Всѣ шли внимаць ему, — онъ каждого училъ.

И Д И Л Л Я И I.

Мешалкъ и Тирсисъ.

Въ осенню ночь Мешалкъ, дѣлами омягченный,
Какъ вѣшвыи поноды зимой
Бываюшь снѣгомъ опущены —
Такъ сѣдинами умяценыи;
Осавя хижину, и дряхлою рукой
На юнаго оперишь сына
(Тирсиса дароваль Зевесъ ему едина),
Побрель на близкий холмъ,
Да изладилъ шамъ полночи пищиною.
Сводъ неба озарель былъ полною луною;
Какъ бы склопясь съ высотъ серебрянымъ челомъ,
Она волшебный свѣтъ на землю проливала,
А зеркальна рѣка ея и пверди видъ
Въ своихъ спруяхъ изображала.
Повсюду пищица: угрюмый боръ молчишь;
Дѣсь дремлеть; меривымъ сномъ одѣяна равнина;
Покоишь во мглѣ долина;
Все спишь,
Лишь изрѣдка въ селѣ ночный пѣлухъ кричишь.

Безмолвствуя Меналкъ взираеть на еводу небесный;
Взоръ спарца пробѣгалъ, персясь, по звѣздамъ;
Душа, за взоромъ вслѣдъ, спремилася къ богамъ.

Тирсись же, юноша прелесный,
Смопрѣль съ холма въ рѣку — вблизи она спекла —
Смопрѣль, и любовался,
Какъ лсный мѣсяць опражался
Опъ влажнаго ея спекла.

Опецъ и сынъ еще молчали;
Лишь вздохи перваго молчанье нарушали;
Но вошь Тирсись его прервалъ:
„Родилель! онъ сказалъ,
„Какая ночь! неило хонь бы весною,
„Свѣцло какъ будпо днемъ,
„А небо чистю пакъ, ни облачка на немъ,
„И даже мало звѣздъ; но я плѣнень луною:
„Какъ крошко, весело она на все глядитъ! . . . .
„Но ты не отвѣчаешь?
„Не слушаешь меня, вздыхаешь:
„Ахъ! вѣрно на сердце скорбь тяжкая лежитъ?
„Знашь пайною какой слѣдаемъ ты кручиной?“

Меналкъ.

Не ужель скорбь всегда унынїя причиною?
Нѣшь, сынъ мой, иногда ночная пишина,
Безмолвіе полей, луна
И звѣзды, что шебя, младенець, забавляешь,
Въ священны думы потружаетъ.

Вошь я кажусь прискорбень ошь чего.
 Такъ, восхищаяся премудросью шворенья,
 Исполненный къ богамъ благодаренья,
 Изъ глубины души и сердца моего
 Я возсылаю шеперь къ нимъ шеплыя моленья,
 Но шолько ль, чшо шеперь; шить, каждый день и часъ
 Признашельный они Меналка внемлюшъ гласъ! —

И можно ли намъ бышь неблагодарнымъ?
 Кшо, сыиъ мой, небеса лазурію покрылъ?
 Кшо ихъ безмѣрное просшираншво озарилъ
 Въ почъ блѣдною луной, въ деиъ солнцемъ свѣтлозарнымъ?
 Кшо рощи и лѣса кудравы насадилъ,
 Поля одѣлъ шравой, украсилъ ихъ цвѣшнами,
 Моря сдержалъ брегами?
 Кшо, наконецъ, скажи, миѣ даровалъ шебя,
 Въ комъ снаросши моей опору вижу я?
 Не боги ль? О Тирсисъ! Благоговѣи предъ ними!
 Признашельность къ богамъ ешь первый долгъ людей!

Тирсисъ.

О, я люблю боговъ! И завшра же съ зарей
 На жершвенномъ огнѣ сожжешся предъ благими
 Та бѣлая овца,
 Которую Тирсисъ у Дафниса пѣвца
 Недавно выигралъ: она была закладомъ:
 Мы пѣли; чшожь? пшвой сынъ и голосомъ и складомъ
 Соперника зашмилъ,
 А онъ овечку мнѣ вручилъ.
 Но, какъ миѣ ни лесшна награда,

И какъ ни дорога мнѣ бѣлая овца —
 Опдамъ ее богамъ; не пожалѣвъ бы спада,
 Когдабъ имѣлъ его: ахъ, вѣдь они опца
 Тирсису даровали!—
 (Тупь слезы на глазахъ Тирсиса заблнспали).

Меналкъ.

Благодарю тебя. Такъ, сынъ мой, шакъ Тирсисъ,
 Молнсь Богамъ, молнсь!
 Люби ихъ, приноси имъ лучшее снажанье;
 Будь честенъ, добръ, шрудолубивъ;
 Дѣлнсь съ убогими — и будешь шн счастлививъ!
 И боги въ воздаянье
 За добрыя швои дѣла
 Предохраняшъ шобя отъ зла
 И всякое швое благословяшъ дѣланье!
 Не будешь бѣденъ спадомъ шн;
 Обильные дадутъ поля шобѣ плоды;
 Въ женѣ найдешь паспущекъ украшенье,
 А въ дѣшяхъ ушншенье!
 Я прожилъ восемьдесятъ лѣтъ;
 Уже и дряхль и сѣдъ,
 Но знай, лѣта сіи казались мнѣ часами —
 Однимъ, прекраснымъ, долгимъ днемъ!
 Такъ былъ я милованъ благими небесами.
 За чтожь? За шн Тирсисъ, что я всегда, во всешь
 Боговъ повиновался волѣ.
 Беспечно прыгали мои овечки въ полѣ:
 Ихъ никогда ни моръ, ни волкъ не похищаль;

Съ избыткомъ жатву я зланую собиралъ :
 Зной не наливъ ее, а градъ не побивалъ.
 Но это все ничто: я счастливъ былъ женою,
 Твою мащерью, оплаканною мною!
 Въ ней, въ Хлоѣ, дней моихъ блаженство видѣлъ я!

Но ахъ! пріявъ себя,

Счастливейшій отецъ съ супругой разлучился!
 И драгоценный прахъ въ сырой землѣ сокрылся!...
 Тяжелъ былъ сей ударъ; но я, я не ропсаль:

Кто даль ее мнѣ, шощъ и взялъ —

О сынъ мой! можешь быть, сблизкается мгновенье,
 Когда вознаешь ты со мною разлученье!

Перенеси его, будь швердъ подобно мнѣ:

Дей слезы лишь одиъ,

Но спорить не дерзай съ судьбою.

Бываютъ мрачны дни и лѣномъ и весною,
 Мунится иногда и свѣтлой ручейкъ —

Всегда ли веселишься?

Неошвратишь злой рокъ:

Ты долженъ ко всему, о сынъ мой, приучиться.—
 Такъ, шакъ, я чувствую, что скоро смертный часъ
 Похишишь дневный свѣтъ изъ шусклыхъ старца глазъ!

О, осень! не спѣши сокрыться!

Дай мгнѣ еще красой природы насладиться!

Ужъ боль для меня не возвратишься ты:

Я слышалъ Хлои гласъ призывный!....

Зима минеетъ — и ахъ! ко мнѣ, на холмъ могильный,
 Мой сынъ придетъ срывать весенне цвѣты!....

Умолкъ, и шажко въздыхалъ,

Даль волю печь своимъ слезамъ;
Тирсисъ же, какъ дитя рыдая,
Упалъ къ родительскимъ спопамъ.

СПбГУ

И Д И Л Л И Я III.

Мечтатель Миртиль.

Полдневные лучи съ высотъ небесъ лилися ;
    Зефиръ не шевелилъ листвоу ;
Овечки берегомъ Ладона улеглися ;
И уклонившійся въ прѣхладу сѣнь дерѣвъ
Миртиль, въ ночь самый день съ Филлидой обрученный,
    Счастливейшій изъ паспуховъ ,
Пѣлъ, въ сладкія мечны и думы погруженный :
„Ахъ! вѣришь ли тому, что сбудется со мной?
    Уже ли въ самомъ дѣлѣ
    Черезъ двѣ иль три недѣли,
Я мужемъ назовусь Филлидѣ дорогой? . . .

    О, проходи же время срока !
Повѣй, блесни скорѣе оупъ воспока
    То упро радостнаго дня,
    Когда предъ олпаремъ Гимена
    Съ Филлидой преклонивъ колѣна ,
И тайныя мольбы сердце соединя,
    Мы повторимъ обѣтъ священный,
Который уивердишь союзъ на вѣки нашъ ! —
Съ какимъ восшоргомъ я, жрецомъ благословенный,

Figure III.

Proc. G. Goussier.

Sculp. G. Zuckert.

СПбГУ

Изъ храма поведу ее къ себѣ въ шалашъ!
 Съ какими чувствами, всплывивъ подъ кровъ смиренный,
 И милую обнявъ, скажу ей: я убогъ,
 Вошь все мое: шалашъ укромный и полспада;
 Но если наградишь меня шобою Богъ —
 То я уже боганъ, мнѣ ничего не надо!

Но если ты со мной,
 То эша хижина мнѣ будешь рай земной!

Скажу, и слезы умиленья

Блеснушь у милой на глазахъ;

Я самъ на грудь ея паду тогда въ слезахъ. —

Сей первый день соединенья

Пройдешь о будущемъ въ мечтахъ.

А завтра, раннею проснувшись паромъ,
 Линь чунь забрежжешь свѣтъ надъ ближнею горою.
 Собравъ овецъ своихъ, взявъ паша пы, носовки,
 Пойдемъ на пасиву мы. Тамъ, на долинахъ злчныхъ,
 Толпой сберуся къ намъ паспунки, паспунки;
 Съ улыбкой всирѣшянг насъ, супруговъ новобрачныхъ;
 И устро въ дружеской бесѣдѣ, ласкахъ ихъ,
 Въ шрудахъ, шномъ легкихъ для двоихъ,
 Невидимо идешь, минушой прелешашъ.

Вошь полдень паспупашъ;

Зной солнечный велишь убѣжища искапъ,

И мы спѣшимъ въ лѣсокъ, подъ пѣнню древесной

Укрыпся олъ него, въ прохладѣ олдыханъ.

Журчане ручейка, изъ подъ скалы навѣсной

Текущаго лѣниво межъ цвѣшовъ,

Шешпаніе лешовъ,

И тихія моей свирѣли

Трели —

Все, все невольно призовешь

Пасиушку къ сладкому покою :

Она разбѣжннся, склонннся головою

Въ колыба мнѣ, заснешь . . .

Чтожь буду дѣлать я? — Я буду наслаждаешься

Ея спокойствіемъ, я буду любовашься

Филлидиной красой:

Лилейной груди близнзой,

И черными, съ плеча упавшими кудрями,

И алыми ушами,

И свѣжимъ, розовымъ румянцемъ полныхъ щѣкъ,

Который каждый моннылѣкъ

Сочннеть навѣрно за цвѣшокъ.

Но я и моннылѣка къ Филлидѣ приревную!

И, чтожь ему не данъ

Ее поцѣловать,

Самъ милую мою скорѣ поцѣлую. —

Но вонъ ужъ солнце за горой;

Ужъ вечеръ наснупаетъ

И тѣни длинныя по лугу разспнлаешъ;

Всѣ съ наснбищъ и полей домой;

Пора и намъ идннн; и мы, рука съ рукою,

Гоня передъ собою

Рѣзвнщнхся овецъ,

За ними же домой приходнмъ наконецъ.

Теперь, когда ужъ солнце садешъ,

И мѣсяцъ молодой изъ облаковъ проглянешъ,

Какъ соберутся всѣ въ кружокъ
 Среди селенья на лужокъ,
 Мы будемъ пѣть, плясать, мѣшались въ хороводы,
 Или — кто насъ лишилъ свободы? —
 Пойдемъ вдвоемъ, она да я,
 Къ рѣкѣ, за шалаши, послушать соловья;
 Смотрѣшь, какъ пускамя въ нивы спруянся воды,
 Какъ спаненъ пошухашъ вечерняя заря. —
 Въ такомъ-то счастьи, годовъ не примѣчая,
 Не только эпошъ день, вся наша жизнь пройдетъ!
 Ахъ! если къ этому Зевесъ намъ испощенъ
     Еще дѣшею, по, даже увядая,
         При старости самой,
 Не позабудемъ чести мы молодой:
     Все съ юными оспанемся сердцами! —
 Такъ пѣлъ онъ и не зналъ, что путьъ же, за кусшамы,
     Въ двухъ опъ него шагахъ,
 Филлида, съ сладкими слезами на глазахъ,
     Разспроганна спощла,
 И жребій свой въ душѣ благословляла.

И Д И Л Л И Я VI.

Палемонъ и Дамонъ.

Палемонъ.

Куда бѣжишь Дамонъ?

Какъ веселье! ошь чего?

Дамонъ.

Ахъ, милый Палемонъ,

Я счастливъ, я любимъ! Спѣшу упѣшить Хлою.

На дняхъ, въ куспарникѣ, за эшою горою

Оишала у нее овца;

Вошь, я ее нашель; какъ радъ, что удалоя!

А шо досталоя бы бадьякъ ошь оица!

Палемонъ.

Давноль, и какъ, скажи, сбылося,

Что и швое Амуръ сердечко подспрѣдилъ?

Дамонъ.

Ужь сполгода, какъ я паспушку полюбилъ,

И вскорѣ увидаль, что ей взаимно миль;

Но . . . . .

Палемонъ.

Сердце робкое себѣ не довѣрляло:

Ты видѣль, что любимъ, а все казалось мало;

Не правда ли, Дамонъ? Такъ и со мной бывало.

Д а м о н ъ .

Ты угадалъ. Краснѣла ли она
И длинныя къ землѣ рѣсницы опускала,
Оспавшиися со мной нечаянно одна;
Всегдажь случалась у окна,
Когда издалека Дамона примѣчала,
И взорами его вспрѣчала, провожала —
Я думалъ: эшо шакъ. Плясала ли со мной

Охопишь, чѣмъ съ другими;
Была ли пѣснями довольнѣй всѣхъ моими;
Носила на груди цвѣшокъ любимый мой;
Хвалила ли меня, не могли нахвалиться,
Подругамъ и роднымъ своимъ;
Сердилась ли, когда мной порой случился,
Шала, ласкалась мнѣ къ паснушкамъ молодымъ—
Я, глупый, все еще увѣришься спрашился,
И нѣжность Хлоину, не чудноль? въ просношѣ,
Къ одной лишь относилъ сердечной добростѣ!
Любилъ, но ошъ себя и ошъ другихъ тайлся.

П а л е м о н ъ .

Чшожь, наконецъ она призналась?

Д а м о н ъ .

Нѣтъ.

П а л е м о н ъ .

Такъ на швое дала признаніе ошвѣтъ?

Д а м о н ъ .

Совсемъ не то. Моя собачка потеряла

Ошейникъ шелковой пѣсьмы

(Съ сестрою въ городѣ его купили мы);
 Я много гореваль, какъ вдругъ вчера вбѣжала
 Лициска съ леншою на шеѣ голубой,
 Которая съ волосъ у Хлои развѣвала
 На праздникѣ *цвѣтовъ*, что, помнишь, былъ весной.

О, въ это, Палемонъ, мгновенье

Не только я забылъ пошерю — самъ себя!
 Какое можешь бышь, скажи, шеперь сомнѣнье?
 Не ясно ли, что миль, что дорогъ Хлоѣ я?
 Не лучшесль всякихъ словъ мнѣ шо она сказала? —
 Ну, кенани, рѣзвая, ны въ горы забѣжала,
 И, вадумавши пронасли, дала себя сьскашь.
 Ахъ! Хлоя въ радости, мой другъ, не будешь знашь,
 Какъ ей благодарить Дамона, что сказано!
 Но я — лишь поцѣлуй пошребую въ награду,
 И въ шомъ одномъ найду ошраду,
 Чшобъ видѣшь милую, ушѣшенною мной;
 Прощай!

Палемонъ.

О возраситъ золошой!

Лѣпа, завидныя спокрашно!

Почшо проходише шакъ скоро, невозвратно?

И Д И Л Л И Я V.

Тирсисъ.

Вечерняя заря, блѣднѣя, догарала ;
Послѣдній лучъ ея за рощею исчезъ ,
И полная луна съ воспока выплывала
По шусклой синевѣ безоблачныхъ небесъ.

Тирсисъ, въ задумчивости сладкой,

Однѣю, надъ озеромъ сплывала,

И тихо взоръ его блуждалъ ,

Изъ края въ край, по гладкой

Поверхности спокойныхъ водъ,

Въ которыхъ отражень былъ мѣсяца восходъ.

Сколь сильны иногда благія впечатлѣнья

Для юныхъ и проспыхъ сердець !

Злой волкъ у Дафниса похищилъ двухъ овецъ ,

Все, что онъ имъ скуднаго имѣнья

Оставилъ могъ ему овецъ.

Бѣднякъ конечнобы отъ горя сокрушился ;

Но съ нимъ Цефизъ послѣднимъ подѣлился :

Взамѣнъ похищенныхъ привелъ къ нему своихъ.

Тирсисъ нечаянно случился

Въ то время близко ихъ ;

Не бывъ примѣченнымъ, онъ видѣлъ очень ясно,

Съ какимъ радушиемъ Цефизъ овецъ дарилъ,
 Въ какомъ восторгѣ былъ несчастной,
 И подвигъ юности прекрасной
 Изъ мыслей у него весь день не выходилъ:
 Съ нимъ онъ и по полямъ задумавшись бродилъ,
 Съ нимъ и надъ озеромъ въ мечтахъ оспановился.

„О! какъ пріятно добрымъ бышь —
 Онъ съ чувствомъ наконецъ сказалъ и прослезился. —

Какъ весело благошворить!

Теперь лишь познаю, родителъ незабвенный,
 Сиволъ рано онъ меня могилой похищенный!
 Теперь лишь познаю, всю цѣну шѣхъ бесѣдъ,
 Когда, невинностью моею умиленный,

Ты повнорядъ младенцу мнѣ завѣшь

Любить боговъ и добродѣтель!

Когда, отецъ строгъ, несчастныхъ благодѣтель,
 Объявъ мена, швердаль, что помогаешь другимъ,
 Дѣлишься съ бѣдными, прислуживаешь больнымъ,
 Есть долгъ священнѣйшій, шакое наслаждаешь,
 Котораго ничто не можетъ замѣнить!

Я общалъ шобѣ, шебя dospойнымъ бышь;

Но могъ ли я шогда цѣнить

Теперь понятное швое мнѣ наснавленье?

Такъ, это сладкое души моей движенье,

Которымъ я Цефизу одолженъ,

Ручаюся шобѣ, что прудъ швой награжденъ,

Что сынъ швой не забылъ опеческихъ внушений!...

Однимъ слѣдовашь начну во всемъ шобѣ,

Пойду путемъ благошвореній,
 Жить буду для другихъ, себяжь — предамъ судьбѣ;
 И всякой разъ, когда при помощи небесной,
     Сей продолжая пушь,
 Случится сдѣлать мнѣ добро кому нибудь —
     Спасилъ рукою неизвѣстной
     Убогаго опъ нищеты,
 Иль слезы осушилъ безродной сироты —
 На гробъ ливой свѣжѣе посыплюся цвѣты,
     Вино и молоко польещя!
 Ты эни чувствива мнѣ, родителъ мой, внушилъ,
 Ты первый добрымъ бышь Тирсиса научилъ —
 Тебѣ же первому имъ жершва принесется!“

И Д И Л Л И Я VI.

М и л о н ь.

„Какъ я обрадую Филлиду дорогую!
Давно уже хотѣлось ей
Здѣсь бѣлыхъ насадинъ лилей:
Вошь сколько ихъ теперь! срывай себѣ любую!“
Такъ юный говорилъ Милонъ,
Почти невидимъ межъ кустами,
Въ Филлидиномъ саду, куда до солнца онъ
Пришелъ съ нарышными заранѣ цвѣтами,
И шамъ ихъ рядышкомъ по грядкѣ разсадилъ.
Милонъ хонъ молодъ былъ, но онъ уже любилъ.
„Ты вснаешь, продолжалъ, случисься у оконка,
И вдругъ передъ шобой мелькнешъ
Цвѣшочная дорожка!
Какой улыбкою взоръ милый швой блеснешъ!
О! ты конечно угадаешъ,
Кпо здѣсь шрудился для себя;
Ахъ! вошь ужъ ты бѣжишь ко мнѣ и обнимаешъ,
Цѣлуешъ, кажешся, меня;
День, сердцу памятный; какъ буду веселъ я!“
Съ шакою сладкою мечною
Милонъ пошелъ домой, овецъ нересмотрѣвъ,
Чшобъ гнать ихъ къ водопою;

Увы! и позабылъ, беспечный, за собою
 Калинку сада приперешь!
 Блудливая коза топчась въ нее вбѣжала
 И новый двѣпничокъ поѣла, полопшала.
 Уже паспухъ спѣшилъ назадъ,
 Въ надеждѣ встрѣтиться съ Филлидой;
 Подходишь, смошришь въ садъ...
 Что можешь для него бытъ большею обидой?...
 Онъ видишь, какъ цвѣтны коза - злодѣйка жень!
 Милонъ хватася шесень,
 Заносилъ на врага; но руки опушились,
 И вмѣсто мщенія, изъ глазъ
 Ручьями слезы покапились.
 Бѣднякъ! онъ весель былъ за часъ!
 Въ такихъ слезахъ его Филлида шумъ засыала;
 Какъ увиашъ? Она причину ихъ узнала
 И паспушка разцѣловала.
 „Пусишь нѣтъ, примолвила, цвѣповъ;
 Но вѣрь, равно довольна шѣмъ, что знаю
 Цѣль милыхъ мнѣ швоихъ шрудовъ!
 Смошри: онъ радосни я плакашь начинаю.“

И Д П Л Д Я VII.

Аминть и Хлоя.

Блескъ утренняя зари запыль края воспока;
Уже вершины свѣжнхъ горъ
Огнями яркими сіяли издалика;
Ужъ ранній говоръ ницъ будиль дремавшій боръ,
И свѣжимъ въперкомъ съ долины повѣвало:
Все пробуждалось, оживало —
Чась шоржесива природы наскупала. —
Аминть собралъ овецъ и въ поле ихъ погналъ.
Тамъ встрѣшилъ онъ паслушку Хлою,
Которую любилъ, которой былъ любимъ.
Какая радость имъ
Увидѣться однимъ!
Аминть.

Привѣствую тебя съ румяною зарёю!
Куда ходила ты?

Хлоя.

За ландышами въ лѣсъ:

Сего дня машушкѣ, по благосни небесъ,
Минуль уже пятидесятой.
Я жершвою, Аминть, хочу почпншь боговъ;
Но если негдѣ взяшь богашой —

Съ мольбой усердною имъ принесу цвѣшковъ.

Аминть.

А я, для праздника шакова,
 Придамъ къ пвоимъ цвѣшамъ барашка молодова!
 Вошь онъ; взгляни какъ бѣль!
 Я промѣняю его Тимешасу хонгѣль
 На кружку иль свирѣль; по этому не сбывается:
 Пускай онъ завидны, хорони —
 Съ чѣмъ, съ чѣмъ, скажи, сравниши
 Ошрада сладкая души
 Съ шобой за добрую Ликориду молишься?

Хлоя.

Благодаришь себя не доснаешь мнѣ словъ!
 Прекрасенъ ты глазамъ моимъ въ ночь день казался,
 Когда въ вѣнкъ изъ розъ, при плескъ паснуховъ,
 Славнѣйшихъ побѣдивъ пѣвцовъ,
 Къ намъ съ дальнихъ береговъ Пеня возвращался;
 Но во спо разъ еще прекраснѣе шеперь:
 Ахъ! ты за мать мою молишься общался!

Аминть.

А я!... О милый другъ, повѣрь,
 Ни очи голубыя,
 Ни кудри золотыя,
 Ни вся пвоя дѣвичья красота,
 О чемъ заранѣе мнѣ въ пѣсняхъ нашвердили,
 Аминта гордаго плѣнили;
 Но тихій, кроткій нравъ, стыдливость, доброта
 И это пѣжное о машери раченье.

Съ нѣхъ поръ, какъ прошлою зимой
 У Мирры съ хижиной сгорѣло все имѣнье,
 И нынѣ украдкою оны Сильвіи самой,
 Несчастинной принесла покуда на вспоможенье
     Свой лучшей праздничной нарядъ :
 Повязку, лентами украшенную въ рядъ —
 Съ нѣхъ поръ я полюбилъ тебя всемъ сердцемъ, Хлоя!
 Снараза правнисься — понравился тебѣ,
 И жизнь в божій свѣтъ милѣ снала вдвое!
 Даваль не завидовать Америкой судьбѣ?

Хлоя.

О, какъ я счастлива! какъ я шеперь богата!

Амнитъ.

Люблю и ожиданъ въ поляхъ весны возврата,
 Встрѣчавъ съ холма зарю на вверди голубой,
 Нѣ слышавъ соловья при шивнѣт почвой;
 Но ахъ! встрѣчавъ тебя, во слышавъ радостливой—
     Слова, исполненной чувствава,
     Крѣпнѣй, сладостнѣй всего!

И какъ ни веселишь меня уснѣхъ искусва,
 Но сердцу радоснѣ на, предъ эшой — ничего!

Хлоя.

Я прежде въ помъ одномъ все счастье полагала,
 Чнобъ манушка меня любила и ласкала;
     Но ахъ, когда тебѣ узнала,
 Когда увѣрилась, чно я тебѣ мила —
     Душа моя какъ будно разцвѣла!
     Иначе снало сердце бннсья:

Вездѣ искашь тебя, всегда къ тебѣ спремисься?

И даже — для чего шашисья?

Хоть ласки манушки все драгоценны мнѣ —

Твои пріяшнѣ! — ошѣ . . . . .

Но, можешь бышь, и самъ ты это примѣчашь!

Я вся какъ не своя, когда мени ласкаешь!

А мнѣ ить.

О Хлоя! скороль мнѣ супругой будешь ты? . . . .

Недѣра брачная гошова:

Такой навѣрно нѣшь ни у кого другова:

При входѣ пасплавъ деряв, рассажены цвѣны,

Межь ними жеривеникъ поставленъ Гименевъ;

Внутри же убрана — што лучшаго имѣо:

Свирѣли дивнѣи, рѣзныя кружкѣи шашь

И хинрыя шныхъ сосудовъ извѣнныя —

Награда лесинная шрудовъ и дированья —

Размѣщены искусно по шнѣнамъ;

Поль кожами покрышь . . . . О Хлоя дорогая!

Недосниженъ одной тебя!

Ахъ! скороль, скороль я,

Тебя мою называя . . . . .

Туть Хлоя рѣчь его послѣшнѣо прервала,

И взоръ шныдливо опуская,

Сказала, какъ шогда умѣла и могла,

Чшо солнце ужъ зошло, все выше спановишья,

Чшо имъ пора идни молишья.

И Д И Л Л Я VIII.

Влюбленный Сильванъ.

„Гдѣ нынѣ, радости взоры,
Сердца утѣшенье,
Ръзванъ Феонъ?
Что такъ долго медлишь?
О! приди скорѣ!
Нѣтъ любовникъ спрасный
Ждешь отънынѣ напрасно?
Нѣтъ ли поустыю
Я послать пещеру
Свѣскою правою:
Мяжкой новилкой,
Благовонымъ нимфомъ?
О! приди скорѣ.“ —
Такъ Сильванъ влюбленный,
Сидя у пещеры,
Голосомъ нескладнымъ
Пѣлъ, и звалъ Феону.
Прощумишь ли въшерь
По древеснымъ лисьямъ,
Пробѣжитъ ли кроликъ

Сквозь густой куспарникъ ;
 Все ему мечталось ,
 Что идетъ Феона ;
 Все въ причинной пренешъ
 Приводило сердце .
 „Ахъ! она“ — шепталь онъ —
 Но ни шунъ-то было !
 Солнце вечерело ,
 День блѣднѣль и крылся
 За высокимъ боромъ ;
 Но увы! Феона
 Все не приходила !
 Вошь уже и сумракъ
 Тихо испустился
 Съ тусклой изверди небя ,
 На воспокъ дальномъ
 Заблестѣли звѣзды ,
 И по роцѣ темной
 Сладко опозвался
 Голосъ Филомелы ;
 Но увы! Феона
 Все не приходила !
 Тушь Сильванъ ужъ вовсе
 Потерялъ шерпѣнье .
 „Нѣтъ (почни сквозь слезы
 Говориль несчастной),
 Нѣтъ, теперь я вижу,
 Что любовь Паспушки,
 Не любовь — лукавство !

Съ той поры, какъ Лизисъ
 Вздумалъ поселиться
 Въ нашемъ околоткѣ,
 Будно какъ не спало
 Для меня Феоны !
 Прежде называла
 Милымъ и любезнымъ ;
 Прежде находила,
 Что пріятны иѣсти
 Добраго Сильвана,
 Иѣжно улыбалась
 Спрашиваемъ изъясняла ,
 И по цѣлу часу
 Съ нимъ одна рѣвилась ;
 А теперь не хочешь
 Даже и минутой
 Подарить Сильвану ;
 А теперь въ Сильванѣ
 Все перемѣнилось,
 Спало не по нраву,
 Худо и неловко !
 Прежде хоть ласкала ,
 А теперь — смѣется !
 Трижды обѣщалась
 Быть ко мнѣ въ пещеру
 И за всѣ мученья
 Наградить любовью —
 Три дни жду напрасно !
 И о томъ ли думаешь

Ей, когда съ жестокой
 Лизись неоплучно?
 Чѣмъ опъ взялъ счаспливецъ?
 Чѣмъ Сильвана лучше?
 Всѣ Дрiяды наши,
 Вслухъ и пошихоньку,
 Всѣ зовуть красавцемъ
 Панова любимца. —
 Видно эти роги
 Нелюбы Паспункв;
 Если шакъ, но завиражъ
 Выломлю ихъ оба!
 А когда и послѣ
 Эной лонной жеривы,
 Вновь презрено, проинуть,
 Вновь обмануть буду —
 То умру съ печали!
 Ахъ! по я безсмертень!...
 Цѣнь! тогда съ мольбою
 Обращусь къ Зевесу,
 Превращень Сильвана
 Въ ручеекъ прозрачной,
 И долины въ зеленомъ
 Садикъ Феоны:
 Пусть конь спруй рокианье —
 Вѣчный онголосокъ
 Спраспныхъ воздыханій —
 Напомянешъ сердцу
 Непреклонной милой

Обо мнѣ злосчастномъ!
О! когда узнаешь,
Да ужь слишкомъ поздно,
Какъ любимъ умѣю!“

И Д И Л Л И Я IX.

Д а ф н и с ь и Д а м е т ь .

Д а м е т ь .

Ахъ, Дафнисъ, какъ я радъ, что встрѣтился съ тобою!

Д а ф н и с ь .

О, видно по глазамъ; но что пому виною?

Д а м е т ь .

Вошь что: ны лучшимъ здѣсь слышенъ у насъ пѣвцомъ,

Я также, всѣ согласны въ шомъ,

Самъ пѣшь недурно начинаю,

И пошому..... давно желаю

Измѣрить мой палаишь съ твоимъ....

Д а ф н и с ь .

Ну, далѣе.

Д а м е т ь .

Но я всегда другихъ слыдился,

Все случая искалъ съ тобою бышь однимъ —

Нашель его, и радъ.

Д а ф н и с ь .

Какъ ты перемѣнился!

Гдѣ скромность прежняя, застычивость пшоя?

Чтобъ это значило? Но пѣшь согласенъ я:

Въ тебѣ достойнаго соперника имѣю.

ДАМЕТЬ.

О, вѣринь ли, пѣвецъ, равняемый Орфею,
Я и шеперь бы не посмѣлъ
Даръ скудный, мнѣ доставившійся въ удѣлъ,
Намѣривашь съ пивонь; но . . . Дафна приказала!

„Иоди, она сказала,

„Сразися съ Дафнисомъ и выиграй закладъ:

„Шуешь не одна Паспуника Амарила

„Гордишся, что пѣвца плѣнила.“

Дафнисъ.

Но пѣшь однимъ намъ, что за складъ?
Кво будешь насъ судить? кѣмъ скаженся награда?

Даметъ.

Да, правда; надобно кого нибудь позвать.

Дафнисъ.

Послушай: шамъ у водопада

Легъ Налемонъ почивенный ондыхашь;

Онъ славный былъ пѣвецъ: сходи за нимъ скорѣе.

Даметъ.

Къ тому же онъ спарикъ:

При спарикѣ я буду пѣшь смѣлае;

Изволь, слешаю вмигъ . . . . .

Но ежели онъ спитъ?

Дафнисъ.

Нѣтъ, вѣрно ужъ проснулся—

(Даметъ пошелъ и въ мигъ со спарикомъ вернулса).

Дафнисъ. . . . .

Послушай, дѣдушка . . . . .

Тутъ спаренъ улыбулся

И не даль Дафнису себѣ договорить.

„Довольно, ошь сказалъ, довольно, разумѣю:

„Мнѣ должно двухъ пѣвцовъ въ искусствѣхъ разсудить?

„Согласенъ, какъ могу и какъ, друзья, умѣю

„Вамъ въ эпомъ дѣлѣ услужить.

„О, я люблю сей споръ невзвѣный, мизый,

И много самъ пѣвалъ; шенерь же, спаренъ хилый,

Лишь слушаю другихъ. Но гдѣ закладъ, и въ чѣмъ?“

Д а м е т ь .

Я просишь вонъ энимъ посошккомъ;

Тирсисовой рукою

Ошь весь покрывъ узорчаною рѣзбою.

П а л л а м о н ь .

Что держишь, Дафнисъ, ты?

Д а м е т ь .

Егожь работы кружку:

Съ боковъ кругомъ по ней цѣпы;

На крышкѣ видѣвъ Фавиъ, цѣлюющій паспушку.

П а л л а м о н ь .

Изрядно; садемъше, и спарный пускъ начнѣшь.

Твой, Дафнисъ, кажешся, черѣдъ.

Д а ф н и с ь . (г.)

Муза! ты была со мною

Неразлучна съ дѣпскихъ лѣпъ;

Наученному побою,

Мнѣ дивился бѣлый свѣтъ:

Не уже ли щещино нытъ

Раздается по долинь
Гласъ тебѣ зовущій мой?
Уследи его, паспррой!

Д а м е т ь .

Буди благосклонна,
Муза, вновь ко мнѣ,
И мольбы услыши
Юнаго пѣвца!
Научи получше
Песенку сложить. —
Съ кружкой воронишься,
Даѣшь услужить.

Д а ф н и с ь .

Разъ полдневною порою
Оштанулся въ темной лѣсѣ
Мой барашекъ, и сирѣбою
Въ мигъ изъ глазъ моихъ исчезъ.
Я за нимъ бѣжанъ пустился;
Но напрасно — заблудился,
Сбѣявъ края не видалъ,
И онъ жажды умиралъ.

Д а м е т ь .

Нынѣшней весною,
Въ первой хороводъ
Съ Дафной чернобровой
Я пошелъ плясать;
Началъ — такъ былъ весель!
Кончилъ — спалъ уныль,

Голову повѣсилъ,
И не спалъ всю ночь.

Дафнисъ.

Вдругъ на встрѣчу Амарила.
„Знаешь успалъ ты, паспуншокъ?“
Подошедши говорила. —
— Я ошь жажды изнемогъ! —
„Вонъ возьми кувшинъ съ водою.“ —
Снула Гебой предо мною;
Я къ кувшину — и не зналъ,
Чшо съ водой любовь грошала.

Даметь.

Ошь чегожь бы ашо?
Въ пляскѣ, подъ шумокъ,
Дафна мнѣ пожала
Руку, а попомъ
Нѣжно посмопрѣла
Прямо мнѣ въ глаза;
Я взглянулъ — у Дафны
Канула слеза.

Дафнисъ.

Хощь усна и прохладилсъ,
Но, увы! вонъ здѣсь зажглось;
Мы другъ другу поклонилсъ,
Чшобъ идти домой — не шлось:
Слово я, она другое;
Вскоръ сдѣлалось насъ шрое:

Къ намъ Амуръ слетѣлъ съ небесъ:
Озарился мрачный лѣсъ!

Д а м е т ь .

На другое утро
Я опять грустнѣлъ;
Минулъ цѣлый мѣсяцъ
Прочь не шла шоска:
Дафиниѣ взоръ унылый
Былъ все предо мной;
Лишь вострѣваясь съ милой,
Грустнѣ я забывалъ.

Д а ф и н и с ь .

Оба сдѣлались сибѣе:
Подбавя я приснѣлъ —
Засныдилась — нѣтъ милѣе,
Слаще онъ казалось быть! —
Часто послѣ Амарила
Пасишунка шупъ находила.
Дни счастливы! каждый часъ,
Даромъ не пропаль у насъ!

Д а м е т ь .

„Даѣна! пакъ однажды
Молвилъ я, вздохнувъ,
Чшо, скажи, со мною?
Первой хороводъ . . . .“
„О, Дамень любезный!
Даѣна прервала,

„Ахъ, пеперь я вижу,
„Что тебѣ мила!“

ДѢНЬСЬ.

„Клишь! опдай мнѣ Амарилу!“
Я опцу ея сказала.
Онъ упряился, насилу
Старика я уломала.
Клишь намъ даль благословенье.
Радость, сердца ушенье!
Скороль, скороль, милый другъ,
Буду я тебѣ супругъ?

ДАМЕТЬ.

„Ужь давно любла
„Я тебѣ, дажень,
„Но сказати не смѣла.
„Ахъ, пеперь ния мой!“ —
Гушь мы обнялися,
Грусь моя прошла.
О, лети, промчися
Время до вѣща!

НАДЕМОНЬ.

Прекрасно! Оба шакъ вы пѣли, что не знаю,
Кого мнѣ предпочеснь изъ васъ?
И шакъ, обоихъ награждаю:
Мѣняйпесь въ добрый часъ.

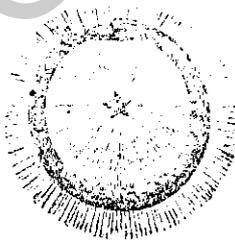
П Д И Л Л Я X.

МОЛИТВА ОСЕННИМЪ УТРОМЪ.

Лучи восходящаго солнца проникли межъ вѣтвей
Сирени и лозь виноградныхъ въ Цефизову кущу.
Пасуху пробудила, оставила смиренное ложе,
И вынесла посвященно привѣщенноваша красное ушро.
Коль сладкимъ, но тихимъ восноргомъ исполни-
лось сердце
Цефиза, когда обратилъ онъ окрестить себя взоры!
Давно уже мракъ, возвѣщенитель зимы насупилъ,
Лежалъ, распростираетъ по вроссправству небесь,
сокрывая
Свѣцию; казалось, оно никогда не проглянетъ
Сквозь черныя шучи, сквозь море дожда, разлиное
Въ эфирѣ; но се: величаво оно восходило!
Разсѣялись шучи, и мгла, золотыми съ востока
Пронзенна лучами, исчезла. Невольно къ молитвѣ
Душа Пасуха распворилась. „О Ты, говорилъ онъ,
„Незримый, но вѣдомый всюду Создатель вселенны!
Единый и въ прескъ громовъ и во вздохъ младенца!
О Ты, чья десница, досель на мнѣ пребывала,
Услыши гласъ сердца, любовью къ Тебѣ распаленна,
И виждь умилещя слезы! Всесильный! Всещедрый!

Но что изреку, иѣмошествуя въ священномъ воспоргѣ?
 Какая хвала подобаеиъ тебѣ, Безначальный?
 Приявый шобою и жизнь, и жизни ушѣхи:
 Жену, украшенье пастушекъ; прелестнаго сына;
 Спокойную, чисную совѣсть; нескудный достатокъ,
 Могу лишь всякъ день приносишь Тебѣ нучныя жершвы,
 И лишь благодарныя слезы! Царю-Вседержишель!
 Молюся, да продлиши милосиѣ Твою надо мною;
 Да выну Тобою хранимый, дождуся осеней
 Моею порой разцвѣтающей юности сына!
 Уже оиъ лепечешъ Твое присносущное имя;
 Но я научу Алексиса любвиъ Тебя, чшцини,
 И сшаву Подашела благъ славословишь, доколь
 Другое, шнокранно красивѣше, небесное ушро,
 О, радости! *тамѣ* свѣшномъ мена озаришь невечер-
 нимъ! —

П Д И Л Л Я Х I.

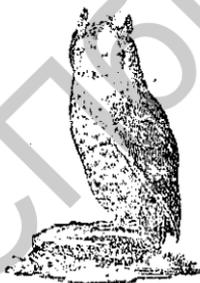
П Д У С Ъ .

Възль вечерь; на западномъ небѣ алѣла заря;
По зарѣ разносилась и пѣсни и звуки свирѣлей.
И насъ престарѣлый (онъ зрѣлъ уже семьдесятъ разъ
Обращенье годичнаго круга, время перемѣну),
Съзвѣй окруженный, при прагѣ сидѣлъ палана.
„Притомъ повѣсьеся, дѣщи, сказалъ онъ: завтра большое
Веселье у насъ; но какоежь, хопише ли знашь?
Добродѣтели завтра у насъ празднество прехотодично,
И старецъ, достоинѣншій вѣкъ, на раднше вънокъ.
Палемому надѣжнше сѣ предночненше пыѣ. —
На утро, лишь только деннцы появились лучъ,
Мы пойдемъ чередою къ смиренной избраннаго кущи;
Тамъ посохъ, двѣшнами обвинный, вручивши ему,
Поведемъ его, я и Меналкъ, во свящилище храма.
Здѣсь жрецъ, при поржесщивенныхъ гимнахъ бо-
гинѣ, вънокъ,
Соплетенный изъ вѣпвѣй дубовыхъ, на старца воз-
ложипъ,
И радостны гласы народа олшаръ попрысунъ;
А насъ пушки въ убранствѣ и юкони въ вѣвлой одеждѣ
Въпѣвiami уснелющъ обратный до хижины пушь,

И хвалу воспоюшь; и забавы и пляски предъ нею
 Весь день продолжашся, доколь не попухнетъ заря.—
 О! какъ сладосно бышь добродѣтельнымъ, милыя
 дѣши!

Идише къ прекрасной сей цѣли, спремешися къ ней!
 Умоляйше боговъ милосердныхъ, да дарують силы,
 Свершивъ многотрудный цушь жизни, достигнушь ее.
 Говоряшь, будно послѣ него и меня увѣчаюшь:
 Зевесъ! продолжи еще слабую дпей моихъ вишь,
 И иногда—и иногда я спокойно умру, Всеблагій!“—

И Д И Л Л И Я XII.

Филида и Коридонъ.

Коридонъ.

Филида! дождь прошелъ, вѣтеръ стихнулъ, тучъ
несило,

И слышавко оныя, какъ я тебѣ сказала,
На тебѣ просіяло.

Филида.

Ты очень кешани угадалъ:

Меня несчастіе напугало;

Пришлось бы до ночи пробывать въ пещерѣ намъ.

Ну пособи же мнѣ обратись

По эшимъ камнямъ и куснамъ.

Коридонъ.

Вотъ посохъ мой, держись, дачуръ не спомыкайся;

Такъ .... хорошо .... Взглянижъ теперь, мой другъ,

На небо, на лѣса, на горы, эпошь дугъ —

Все обновилось, все лучше стало вдругъ,

Свѣплѣе, зеленѣй! Нельзя палюбованься!

Какъ блещуишь мокрые древесные листы!

Какъ ожили цвѣпы

И нравы полевья!

Благоуханіемъ весь воздухъ растворень;

Доль снова ревомъ спадъ веселымъ оглашень ;
 Здѣсь прыгають мои ягнянки молодые,
 Тамъ разбрелись волы, здѣсь спая козь съ козломъ
 На скалы лѣпится крушья.
 Ахъ, вошь и радуга!

Филлида.

Прекрасно! но пойдѣмъ.

Коридонъ.

Куда же ны?

Филлида.

Домой.

Коридонъ.

Такъ скоро? Подождѣмъ:

Теперь ужъ насъ не вымочишь дождѣмъ.

Филлида.

Нѣтъ, нѣтъ, и безъ него я много запоздала.

Мнѣ манушка накрѣпко приказала

Вернуться засвѣило домой.

Коридонъ.

Но солнышко еще высоко надъ горой —
 далеко ли дойти? Побудь, побудь со мной

Хотя одинъ часочекъ!

Дай мнѣ обнять себя, поцѣлованъ разочекъ!

Филлида.

Ты не ошязчивъ спалъ:

Еще ли не довольно?

Ну что за поцѣлуй? полно!

Коридонъ:

Но если я себя въ пещерѣ цѣловаль
Сию разъ, безъ спросу, добровольно,
Такъ почемужь шеперь . . . . .

Филлида.

Въ пещерѣ, въ пещерѣ —
Совсемъ другое дѣло!

А здѣсь свѣтло; приномъ же мы на высотѣ:
Что если? . . . . . сердце обомѣло! . . . .
Май свидно безъ шого въ глаза себя смошрѣшь.

Коридонъ.

Такъ дѣлавъ нечего, званъ должно пошеривъ!

Филлида.

Послушай: говоришь ли дома,
Что я съ шобой, и вѣ, и какъ,
Срывалась она дождя и грозы?

Коридонъ.

Ахъ! шшь, не говори!

Филлида.

Да почемужь не шакъ?

И что худато шувъ? Шыгъ, шатъ я не умѣю.

Коридонъ.

И даже скаженъ шо, какъ цѣловалась ты?
Съ швосей болшливостью не долго до бѣды!

Филлида.

О, я не шакъ просна, я очень разумѣю,

Что эшаго нельзя сказать!

А шакже и шого опъ малушки скривашъ,

Что я случайно здѣсь съ шоболо повспрѣчалась;
 Что насъ заснигнулъ дождь; гдѣ скрылись онъ него;
 Какъ грому, молвіи я въ шемпониѣ боялась,
 Какъ я къ груди пивсой онъ спраху прижималась.....

Коридонъ.

Пѣтъ, нѣтъ, прощу тебя, не говори того!

Насъ побранишь, видаться намъ закажешь.

Филида.

Какъ не догадывь ны! Тебѣжь спасибо скажешь
 За то, что къ эшонъ разъ не покидалъ меня:

Вѣдь не моглажь бы я

Пробавь одна къ шадой пентерѣ спраниной, дикой.
 Не бойся, Коридонъ; мнѣль ма шобъ желашъ? —

Наслу ударошь ему расшюкованъ,
 Что розказни ея, ей будешь же ушкой.
 Филида рѣчь его, казалось, поняла,

Бышь молчаливой общалась;

Но лишь домой пришла,

Лишь силми спрашиванъ—въ минушю проболшалась.

И лучше сдѣлала: забонливая мащъ

Хонъ пожурила дочь, однакожь догадалась,

Что мужа незачемъ другаго ей искашь.

И Д И Д Л И Я XIII.

Д а ф н и с ь и М и л о н ь.

М и л о н ь.

О Дафнисъ! ошь чего задумчивъ ны, увяль?
Такъ молчаливъ, вегда съ поивкной головою?
Ты гдиль сироты не щорилъ ны прежде весельбыль,
И сердце своего ошь друга не шайль.
Бывало — поминишь ли? — какъ лѣшнюю порою,
Привнавъ снада домой, всѣ выдемъ на лужокъ;
Тамъ песнрою шолпой, въ веселомъ хороводѣ,
Надъ громкую свирѣль, довольны, на свободѣ,
Мы пляшемъ? Жизньъ шекла, какъ свѣшлый ручейль;

И ны всегда былъ нашихъ игръ душою,

Ты радости приносилъ съ собою:

Бывало безъ тебя насгушки не поюшь;

А нынѣ?

Д а ф н и с ь.

Времена минувши не придунъ:

Прошедшее — прошло, его ужъ не ворошинъ;

Такъ чиножъ о немъ и говоринъ.

М и л о н ь.

А нынѣ ны ни въ чемъ опрады не находинъ;

Ничто себя, ничто не можешъ веселишь;

Ты все почти одинъ; не хочешь и со мною
Своей печали раздѣлить.

Ахъ, Дафнисъ! Богъ съ побою!...

Будь холоденъ ко мнѣ, я буду все такимъ,
Какимъ ны зпалъ меня въ младенческія лѣта.

И можноль бышь, скажи, инымъ?

Какъ святошь преспунилъ сердечнаго обѣта?
Какъ дружбѣ измѣнилъ, кошнорой красенъ міри?

Дафнисъ.

Я вѣрю; пакъ, Милонъ, покинуны судьбою,
Не раздумался мы съ младенчества съ побою;

Ты пакже былъ убогъ и сиръ;

Нашъ бѣдношь сдѣлала друзьями.

Но гдѣ вы, гдѣ вы, дни безнечности злашой?

Буда сокрѣся ны, души моеѣ покой? . . . .

Тогда я незнакомъ былъ съ эшими слезами,

И въ дружбѣ динъ одной все счастье полагалъ;

Ахъ! и Милонъ тогда меня не упрекалъ!

Милонъ.

Я и теперь, мой другъ, тебя не упрекаю,

Я и теперь тебя поврежнему люблю;

Динъ горести швоей причину знашь желаю;

Не зпавъ ее, я самъ не менѣ шерилю.

Дафнисъ.

Я оскорбилъ тебя? Прости! клянусь, невольно.

Вопъ помущила какъ печаль разсудокъ мой!

Но я, шавъ ее, шадилъ себя довольно:

Ошкроемъ все, сколь сердцу шо ни больно.

Послушай: помнишь ли, какъ прошлою весной

Я былъ, Милонь, съ побой

На праздникъ богини Флоры

Въ соседственномъ селѣ? Ахъ! шамъ-но въ первой разъ

Увидѣлъ Хлою я! Несчастный день и часъ!...

Какая красота! Блескъ утренняя Авроры,

Когда имъ озаренъ безоблачный восходъ,

Нично предъ розами ея лилейныхъ щѣкъ;

Лазурь небесная — предъ свѣтлыми очами;

Колосъ съ щѣкою — передъ мудреми!

Я увидѣлъ ее, и — другъ мой — полюбить!....

Мы скоро съ Хлоєю сдѣлались сердцами.....

Но, мною не зная любви, шопъ не поверишь мнѣ!

И въ сладкомъ шикомъ сибъ,

И въ говорѣ ласковъ, и въ шопонѣ Зефира,

И въ дождѣ чистыхъ водъ, и въ вѣснѣхъ соловья,

Казалось, вижу, слышу я

Лишь Хлою милую, дочь бѣднаго Титира!...

Милонь! я жребій мой тогда благословлялъ:

Она меня любила!

Въ любви моею свой рай, казалось, находила.

Бывалъ ли грустенъ я и слезы проливалъ —

Пасхушка ихъ своею рукою опирала,

Сама грустила, посковала;

Въ минуныжъ радости была мила какъ день,

Рѣзва и весела: чего не вымышляла;

То, уклонившись подъ яворову шѣнь,

Кудрями Дафниса играла;

То розовымъ вѣнкомъ счастливаго вѣнчала,

Или съ младенческой шушила проспной;

То, взявшись за руку со мной,
За песпрой бабочкой, за рѣзвою овечкой
Ленѣла, какъ Зефиръ крылашой, по лугамъ,
По рощамъ, по горамъ.

На берегу зеленомъ рѣчки,
Успалые, мы съ ней садилась отдыхашь,
И освѣжались спуденою водою.

Сюдажь, уединясь вечернею порою,
Любили мы мечнать

О будущемъ блаженствѣ нашемъ.

Любовь, свѣтъ мѣсяца, дробящійся въ волнахъ,
Свирѣли оизвыи въ лѣсу и берегахъ —
Все уславило духъ; земля казалась краше,
Пустыня райскою спраной была для насъ!

И я, восшоргомъ упоенный,

Повѣрь, въ часы сия, не разъ

Воображалъ себя на небо восхищеннымъ!

Ахъ! Дафинь сплишкомъ счастливиъ былъ!

Такъ счастливиъ, что иногда уже и позабылъ,

Что спашье не вѣчно,

Что время радосней спречныхъ беспророчено!

Явился Полифонъ —

И клянвы Хлошны, какъ вѣнерь, уленѣли,

И вздохомъ Дафинса внимашь не захошѣли,

И Дафинса слезамъ смѣялись! О Милонъ!

Какъ послѣ эшаго, скажи миъ, веселишья?

Милонъ.

Да, правду говорашь, что спашье рѣдко длитя:

Появись, блеснень и, какъ мечпа, пройдежь,
 А горе.... ахъ! оно чухъ, чухъ опъ насъ бредешъ!
 Но Хлоя опъ чего пакъ вдругъ перемѣнилась?
 Зачѣмъ на Дафниса паспушка разсердилась?

Дафнисъ.

Не знаю; можешъ, я измѣну заслужилъ,
 Лишь шѣмъ, чинъ пакъ ее любилъ!

Милонъ.

Неслышанный примѣръ лукавства между нами:
 Клянусь самими небесами,
 Она не синонъ энихъ слезъ,
 Кошорыхъ сполько ны на жерпву ей принесъ!
 Ее презрѣшь, покинушь должно!

Дафнисъ.

Но ахъ, легко ли шо!

Милонъ.

Тебѣ легко, возможно:
 Не пылъ насъ научилъ божъ лишняго шруда,
 Воздѣлывать поля и оберегашъ спада —
 Владѣшь свирѣдью семитласной?
 Не пы ли, словомъ, намъ устави жизни даль
 Общеспивенной, согласной?(2)
 Вонъ ушѣшеніе въ пивоей судьбѣ несчастной;
 И пы давно его снискалъ
 Въ признапельности всѣхъ селянъ единодушной.
 Забудь, прошу шебл, измѣнницу, забудь,
 И дружбы голосу послушной,
 Попрежнему всѣхъ жась душой, ошрадой будь! —

Тутъ Даѣниѣ на его въ слезахъ склонилъ грудь;
Спокойствіе въ душѣ несчастнаго блеснуло,
И сердце бѣдное, казалось, опдохнуло.

И Д И Л Л И Я XIV.

К о р и д о н ь .

Размѣнавшись небрежно
Подъ орѣховымъ кустомъ,
Въ часъ полдневный почивала
Сладкимъ Амарилъ спомъ.
Недалеко прилучилось
Коридону проходитьъ. —
Онъ давно любилъ Паспунку
И умѣлъ любимымъ быть;
Но любовь сердце невинныхъ
Молчалива и робка:
Та украдкой спросить пынула,
Топъ въдыхать изподнишка. —
Коридонъ османился,
Робко посмощрѣлъ вокругъ
И на цыпочкахъ прокрался
Къ Амарилъ черезъ лугъ.
Драгоценныя минушы!
Онъ дерзаетъ въ первой разъ
Такъ разсмащривать Паспунку,
И опшесъ не можешъ глазъ:
Видишь грудь полушкщрпу,

Снанъ, достойный Аонидъ,
 Перловъ рядъ подь розой — пламень
 Разгорѣвшихся ланишь.
 И невольно опустился
 На колѣни Коридонъ ;
 Свѣтъ въ очахъ его замигнулъ,
 Сердце замерло — и онъ . . . . .
 Жаркимъ, спраснившимъ поцѣлуемъ
 Амарилу разбудилъ ;
 Лишь взглянула — вмигъ закрылась :
 Своевольникъ онскочилъ,
 И пошуня робко взоры,
 Ждалъ утрековъ за вѣну ;
 Но Паспушка ни подлова
 Не промолвилъши ему,
 Быстро скрылась въ чащѣ лѣса.

Грушець иель Паспухъ домой.
 „Что я сдѣлалъ, неразумный?
 Говорилъ онъ самъ съ собой :
 Какъ шеверъ я съ нею вслрѣчусь,
 Какъ взгляну, заговорю?
 Разсердилась! и за дѣло!
 Попустому разиворю
 Завтра съ солнечнымъ восходомъ
 Въ шалашъ моему окно :
 Въ хижанѣ у Амарилы
 Не разиворится оно!
 Понапрасну заиграю

На свирѣли вечеркомъ :
 Милая не будешь больше
 Визорить пѣвнымъ голоскомъ !
 А пошомъ и пересѣпанешь
 Паснушка́ совсемъ любяшь
 Ахъ, за чѣмъ бы мнѣ безъ спросу
 Съ ней шакъ дерзко послушннѣ? —

Коридоръ и не ошибся :
 Добрый прежде знакъ — окно —
 Три дня запертымъ стояло ;
 Но въ четвертый вновь оно
 Разширилось поемножку ;
 Въ ночь же самый вечерокъ
 Амарилнѣ соловьиный
 Вновь раздался голосокъ ;
 А пошомъ, черезъ недѣлю,
 Вспрѣялся какъ-то съ Паснушкомъ
 У Амурова кумира,
 Молвила ему нишкомъ,
 Чшо ужъ больше не сердина ;
 И просила пособишь,
 Жерпвенникъ малюнки - бога
 Вязью миршовой обвишь.

СПбГУ

Uytens XI.

Das H. Hannover

17. H. Torkat

И Д И Л Л И Я Х У .

П А Л Е М О Н Ъ .

Прекраснѣйшимъ упромъ, зимою,
Сидѣлъ Палемонъ въ шалашѣ подь окномъ —
Дрова, запасены порою,
Пылали въ горнункѣ прескучимъ огнемъ. —
Онъ спужу въ щель не боялся,
Съ улыбкою въ поле свой взоръ проспираль,
Каришной зимы любозаака
И въ мысляхъ возвращалъ весны не догака.
„О сколь ны, природа, прекрасна!
Нично не измѣнитъ твоей красоны:
Гроза ли пылаешь ужасна,
Ревунъ ли Бореи, цвѣтунъ ли цвѣсны —
Всегда ны, во всемъ совершенна! . . . .
Какъ блестящъ равнина, снѣговъ легкѣй вуманъ,
Дрожащамъ лучемъ озаренна!
Какой безпредѣльный снѣговъ океанъ! . . . .
Тамъ дубы снѣгомъ обнажены;
На вѣтвяхъ ихъ иной луцисный нависъ;
Тамъ ели мелькаютъ зелены,
Мѣстами чернѣютъ тусной кипарисъ.
Поля и луга олуцавли;

Неведно на пасивахъ гуляющихъ снадь;
 Замолкли паспунульи свирѣли
 И пѣвчія пички нахохлясь сидяпть.
 Однѣ лишь снигирь краснобокой,
 Чирикая, скачешъ по гибкимъ кустамъ;
 Лишь слышенъ глухой и далёкой
 Снукъ сильныхъ ударовъ цѣпа по гумнамъ;
 Лишь изрѣдка снѣжной равниной
 Съ дровами лѣвивый пролащился воль. —
 Снарникъ помѣшалъ хворосниной
 Въ горлушкѣ, и снова къ окну подошѣть. —
 „Зима и моя паспунула:
 Разсыпался иней на черныхъ кудряхъ;
 Оспавила прежняя снѣга;
 Потаснулъ румянецъ, игравшій въ щекахъ!
 Но ахъ! сожалѣнь ли о красной
 Дней юныхъ, промчавшейся быстро, веснѣ?
 Кшо младоснѣ провель не напрасно,
 Тотъ съ ней пошерялъ заблуденья однѣ.
 Кшо былъ добродѣтели вѣренъ,
 Полезенъ сѣмейснѣ и ближнимъ своимъ,
 Тотъ долженъ бынъ твердо увѣренъ,
 Чпо вѣчно пребудеть мицущее съ нимъ!
 Когда я о немъ воспоминаю,
 Миѣ кажешя, буднѣ какою нибудь
 Снаримнаго друга встрѣчаю,
 Иль вижу цвѣтами усыпанный пупъ!
 Къ тому же, на что помѣняюсь
 Любовью всеобщей моихъ земляковъ,

Которой теперь наслаждаюсь,
Доспигнувши чесноко седых волосовъ?
Что можешь иное сравниться
Съ опрадой примѣрныхъ дѣтей воспитанъ,
Счастливымъ успѣхомъ гордишься,
Награду въ невинныхъ ихъ взорахъ читаешь? —
Подобно, какъ снова весною
Природа получишь свою красоту,
Такъ жизнью моею молодою
Я въ миломъ Дамешѣ моемъ разцвѣту!

И Д И Л Л И А XVI.

Изгнанникъ Алексисъ.

И тихосно утро было:

Бива свѣтло дая под-неба озарило,
Какъ слова свѣделося въ шумящихъ облакахъ.
Бравъ, распростерный на поляхъ,
Шумяши надъ рѣкою ивы,
Скрышь шополой, плескъ воды и врановъ крикъ
въ тѣсахъ —
Все предвѣщало день дождливой,
Судящихъ близость непогоды.

Но кто шамъ, эпою равниной,
Съ кошомкой на плечахъ, а на сердце съ кручиной,
Паникни головой, ошъ шаланей идѣшь? —
То бѣдный Алексисъ. Онъ Нисою плѣнился,
Самъ ею былъ любимъ, хощѣлъ ей мужемъ бышь;
Но ахъ, о номъ не спохващился,
Что не всегда позволено любинь!
Весь юноши доспашокъ соснавляли
Убога хижина и нѣсколько овецъ;
Межь тѣмъ какъ богачемъ Паспушкинъ сямъ ошець.
„Такъ Алексису ошказали?“ —

Да, и при шомъ запрещено

Прекрасной Цесѣ съ нимъ выдашься.

Но разлучать влюбленныхъ мудрено,

И можноль опъ любви заснавивъ отказатьсь?

Пещеры дальнія, лѣсовъ густая сѣнь,

Благоприятна ночи шѣвь,

Опъ взоровъ бдишельныхъ гонимыхъ укрывали,

Воспорги зрѣли ихъ, обвинамъ ихъ внимали —

Но скоро и про шо узнали.

Обманушый ошець пришелъ въ ужасный гнѣвъ;

И чоюжь, во гнѣвѣ вымышляешь?

Опъ шайно въ Алексисовъ хлѣвъ

Свою овечку запираешь,

И неповиннаго въ покражѣ обвиняешь!

Богащенно подкрѣщаю зло,

Нично бѣдьяжки не спасло:

Его изгнать опредѣлили. —

„Возможноль?“ — *Улигенъ!* — есѣ въ голосъ говорили.

Природы сѣнующій видъ

Пишаль, усугубляя спраданаъ Алексиса;

Сирои горячавшихъ слезъ лилися

Съ поблекшихъ юности лаванъ.

„Увы!“ — онъ говорилъ, на ошческіе кровы

Прощальный обращаъ взоръ —

„Поспигнулъ рокъ меня суровый,

Судиль безчасшному изгнанье и позоръ!

За шоль, неумолимый!

Покинуи, дѣлжно мнѣ

Навѣки край родимый,
 Что я любилъ умѣлъ? и въ чуждой сторонѣ
 Скипалъся безъ приюшу
 За то, что счастливъ былъ минушу?...
 Опчизны милой небеса!
 Вы сердцу моему шодико драгоценны,
 Окрестины горы и лѣса!
 Просните!... Садикъ мой зеленый!
 Что будетъ безъ меня съ побой?
 Ты скоро зароснешь колючею правой!
 Овечки милыя! кто, кто безъ Алексиса,
 Васъ будетъ такъ беречь любилъ?...
 Ахъ! если жаль ужъ ихъ, то какъ переносилъ
 Разлуку съ матерью, съ побой, любезна Ниса?...
 Еще вчера я съ вами былъ,
 А нынѣ... болѣе васъ пить для Алексиса!
 Но не вишите, что сокрылъ
 И день и часъ разсказа —
 Ни силъ моихъ, ни слезъ не спалобъ для прощанья!
 Съ оправдою заснули вы мечной,
 Что лишній день еще со мною проведете:
 Ахъ, спите долѣ! Проснувшись, не найдете
 Ни въ хижинѣ меня, ни въ кущѣ надъ рѣкой:
 Я буду далеко, послѣдуемъ поской! —
 О матеръ преспарѣла!
 Ты не совсемъ осирошѣла:
 Тебѣ оправдою еще оспалась дочь;
 Но Ниса!.. кто ее ушѣшилъ въ злой напаси?...
 Такъ, ей не превозмочь

Ни горести своей, ни спрасши!
 Тосклива горлица, спеная день и ночь,
 Она сойденъ безвременно въ могилу!
 Увы мнѣ! для чего окончишь жизнь поспылу
 Я съ нею вмѣстѣ не могу?“ . . . .
 Тушь вдругъ раздался звукъ свирѣли,
 А на сосѣдственномъ лугу
 Овечки запесврѣли;
 Несчастный прошепталъ свой лютый приговоръ,
 На кровлю Нисину послѣдній бросилъ взоръ —
 И скрылся въ опдаленъи.

„Ахъ, какъ бы намъ хотѣлось знать,
 „Принялъ ли онъ назадъ? увидѣлъ ли опять
 „Опчизну, милую по долгомъ разлученъи?“ —
 Такъ спрашивалъ и я у каждаго въ селенъи;
 Но мнѣ одинъ отвѣтилъ: „о бѣдномъ не слыгати!“

И Д И Л Л Я Х V I I .

Б о л ь н о й .

Клеонъ.

Ты, дѣвушка, сказали,
Умѣешь всякія болѣзни изцѣляшь?

Меналкъ.

Такъ, сынъ мой, эпитъ даръ мнѣ боги ниспослали.
Чѣмъ болѣнь ны?

Клеонъ.

Ахъ! какъ бы мнѣ сказашъ?
И худо ѣмъ, не досыпаю,
Грущу, о чемъ и самъ не знаю,
Все бынь хочу одинъ, съ весельями скучаю . . . .
Ну, словомъ, спиналь совсемъ не пошь.

Меналкъ.

Да не ходиль ли ны въ сооѣднее селенье,
Гдѣ было храма обновленье,
На праздничной, что шакъ хвалили, хоровадь?

Клеонъ.

Ходиль.

Меналкъ.

Не видѣль ли шамъ дочери Идаса?

Клеонъ.

Я глазъ съ Дориды не спускалъ:
Какъ хороша, мила!

Меналкъ.

И вѣрно съ ней плясаль?

Клеонъ.

Да — ахъ! и съ той поры, какъ помню, захвораль.
Что это за болѣзнь?

Меналкъ.

Она, мой другъ, злится
У насъ любовію всегда.

Клеонъ.

Опасна?

Меналкъ.

Иногда.

Клеонъ.

О, пособи же мнѣ скорѣе?
Дай выпиши что нибудь!

Меналкъ.

Увы! много вѣшь
Лѣкарства для тебѣ в болѣзни сей вѣрнѣе,
Какъ эионъ дружескій совѣтъ:

Иль долженъ ты спаравься
Дориды взоромъ убѣдись,
Иль съ ней предъ ошаремъ Гимена сочешась—
Иначе будешь вѣкъ спраданы.

Клеонъ.

Благодарю за насавленье!

Я завтра же пойду къ Пастушкину опцу;
„Идась! скажу ему, дай сердцу облегченье:
„Благослови меня съ Доридою къ вѣнцу!
„Продлился иначе навѣкъ мое мученье!
„Такъ говоритъ Меналкъ, хонѣ самъ спроси его.“—

Идась вѣдь добрь, онѣ вѣрно согласиися.
Какъ право былъ я глупъ: скажи, ну для чего
Мнѣ ранъшебѣ, дѣдушка, шебѣ не поклонишься?

И Д И Л Л И Я XVIII.

Возвращение на родину.

Микону насаказали,
Что дома счастья нѣтъ,
А что оно всегда въ краю чужомъ живешь;
Что шамъ лишь... мало ли чего не общали?
Миконъ былъ молодъ, просить, къ кому же сирота:
Подумаль, и пошель. Но не сбылась мечта.
Ахъ! одноголь она Микона обольстила?
Куда Паснухъ ни приходиль,
Чего искаль — не находиль.
Охота къ спранспивіямъ просыла;
„Нѣтъ, лучше, говориль, пойду опять домой!“ —
И вопъ, обманомъ наученный,
Онъ возвращался огорченный,
Съ раскаяньемъ, шоской.

Уже не далеко до спороны родной;
Уже одна гора опъ взоровъ сокрываель
Любезныя мѣспа!...

Миконъ ея вершины доспигаель —
И чтожь ему опкрыла высопа?
Опчизну! шалаша, средь конъ онъ родился;
Поля, свидѣтели забавъ его, шудовъ;

Лѣсокъ, гдѣ ондыхалъ подъ шепотомъ липовъ,
Гдѣ съ Амарилою онъ сердцемъ подѣлился —

Ей въ первой разѣ въ любви открылся!
Тогда былъ уира часъ. Съ безоблачныхъ небесъ
Фебъ ярко освѣщаль окрестности пробужденну.

Миконъ былъ восхищенъ до слезъ;
Подобно пригвожденну,
Недвижимъ онъ сноялъ,
Просира къ очизнѣ руки,
И мнилъ ее обьяннъ. — „Ахъ! наконецъ сказахъ,
Три года прошеки разлуки
Съ нобою, мильнй край!

Три года сирашнвуя съ надеждою кушною,
Повсюду мучимъ груснью злою,
Я нолько лишь шеперь мирюсь съ самимъ собою.

И гдѣ шо счастье, шошъ рай,
Чшо мнѣ сумли на чубннѣ?
Благодарю судьбнѣ,
Возвращннй пушъ хранивней мой!

Опянъ я вижу васъ, родинельскіе кровы,
Гдѣ дѣншсшва вѣкъ провель злшой;
Гдѣ я не зналь еще, что еспш сердца суровы,
Коварешво и обманъ! О, какъ я счастливь былъ
Еъ псвѣжесншвѣ моемъ! Спокойно прошекали
Младые дни мои. Чуждъ скуки, чуждъ печали,
Не вѣдая забонъ, шрудясь по мѣрѣ силъ,

Труды забавами смѣняя,
И въ оердцѣ за сіе боговъ благословляя,
Я не видалъ, какъ годъ за годомъ проходилъ!

Пусть глѣвная судьба въ младенчествѣ лишила
Родителей меня — за то былъ вѣрный другъ,

За то была моею Амарила!

Ахъ, какъ она меня любила! . . . .

Я самъ равно любилъ, но осмѣвался глухъ

Къ моленіямъ ея и нѣжнымъ увѣщаньямъ! . . . .

Куда ни обращусь, все къ сладостнымъ влечешь

Прошедшихъ радостей меня воспоминаньямъ! . . . .

Быть можешь, больше ихъ Миккошь не обратишь!

Быть можешь, хладная могила

И дружбу и любовь мою въ себя вмѣстила! —

Вотъ здѣсь еще, я помню, Амарила,

Прощая со мной,

„Останься!“ — говорила —

„Что будешь съ бѣдикою? И сокрушусь послѣ!“ —

Напрасно! Ты ушелъ, безумецъ ослѣвленный!

И чѣмъ же льстивъ себя, неволей возвращенный?

Кто ждетъ тебя? . . . Бѣги за прежнею мечтой!“ —

Тутъ къ дубу прислонясь, закрывъ лице руками,

Онь залился слезами. —

„Ничь, ничь! ничто меня съ тобой не разлучишь!“

Объявъ любезно, Наспушка закричала.

Но кто изобразилъ,

Что юная чета взаимно ощущала,

Сосидишься вновь печальной судьбой? —

Миккошь,

Просишь ли вы меня?

Амарила.

Забыво все! Я знала,

Ласкалась, что съ такою душой
Не вѣкъ оспанешся Миконъ въ сиранѣ далёкой,
Не вѣкъ я буду одинокой!
Здѣсь ты въ послѣдній разъ поцѣловаль меня,
Сюдажь грустнишь ходила я,
И ждаль желанна возвращенья.
Ахъ! сколько за мои спраданья упѣшенья!
Но что о прошломъ говоришь?
Спокойся! поспѣшимъ съ Амиппомъ раздѣлить
Минушы наслажденья.

И Д И Л Л И Я Х І Х.

Д А М Е Т Ъ.

Дамеша застигнула ночь на пути —
Онъ шель изъ сосѣдства обратно —
Не близко еще оспавалось идти,
А время шакъ было пріятно:
Зефиръ упоженный едва колебалъ
Будрявья бука вершины;
Сводъ неба звѣздами усѣянъ блиспалъ;
Дремали во мракъ долины. —
Паспухъ осмошрѣлся и легъ опдохнуть.
Величіе ночи его поражало,
Священный восторгъ проливало во грудь,
Къ благимъ помышленьямъ склоняло. —
„О ночь! говорилъ онъ: съ какимъ всегда
Особеннымъ сердца движеньемъ,
Просперный на холмъ, иль скамъ пруда,
Смошрю на швое приближенъ! —
„Познайте! однажды жрецъ Пановъ сказалъ:
„Цвѣшокъ, попираемый мною,
„Кузнечикъ, кошсрый шеперь прокричалъ,
Таясь подъ густою шравою

Все юноши грудь волновали;
Межь шѣмь соловьи, оглашая кусны,
Дорогу его сокращали.

СПбГУ

И Д И Л Л И Я ХХ.

Д о р и д а и Т и т и р ь.

Предпосылая хладъ, свирѣпыхъ бурей свиспъ,

Звѣа воевъ сени спѣшила;

Уже рука ея поля опустошила;

Ужь облеивалъ съ деревъ поблекнѣй желтый листъ.

Лишь сосны черевя и ели возвышенны

Одѣ съехали неврежденны;

Лишь паворошь, да мхи— послѣднѣй знакъ луговъ—

Разстѣяны кой-гдѣ по берегамъ ручьевъ,

Еще не увидали.

Спадами пищцы оплелили;

Дожди ялись рѣкой;

Необозримыми, густыми облаками

Туманы плавали надъ горными хребтами,

Иль сплались дымною въ равнинахъ пеленой.

Ужь рѣдко солнце появлялось;

А если средь небесъ когда и красовалось,

То развѣ шолько часъ, а много, много, день:

Вдругъ пучи набѣгушь, и ляжешъ доломъ тѣнь.—

Однажды, какъ оно съ природой пакъ прощалось,

Хладѣющій еще обогрѣвало мѣрь,

Дорида и Тиширь

На дерновой скамьѣ у хижинѣ сидѣли,
 И молча на спрану печальную смотрѣли;
 Спуденный вѣснокъ ихъ кудри развѣваль. —
 „Дорида! наконецъ Паспухъ, вздохнувъ, сказалъ:
 „Взгляни, какъ вся окрестность опустила!
 „Какъ измѣнился видъ полей!
 „Давноль еще права на пасивахъ зеленѣла?
 „Давно ли пѣлъ здѣсь, въ рощѣ, соловей?
 „Давно ли изъ цвѣтень ны мнѣ плела вѣночки?
 „Теперь же, гдѣ права, гдѣ ишички, гдѣ цвѣточки?
 „Ахъ! торько и смотрѣнь!“ —

Дорида.

Все, все вамъ знанъ дашъ,
 Чшо ужъ зима не за горами,
 Чшо скоро къ намъ она съ морозами, снѣгами,
 Съ мяселями придетъ.

Да чу! сишечка прокричала:
 А это знакъ худой: я часно примѣчала,
 Когда покажутся синички по лѣсамъ,
 То жди уже зимы!

Титиръ.

Я знаю это самъ;
 Но вѣдь меня не споль спрашанъ морозы люты,
 Какъ - то, чшо я зимой
 Ужъ рѣдко видѣшься могу съ шобой.
 Доспанешся ли въ день намъ и одной минушъ?
 И шо все при людяхъ, и шо когда—когда!
 А я люблю съ шобой одинъ бышь иногда:

*

Дорида.

Мнѣ и самой съ тобою
 Пріяшнѣй какъ-шо бышь одною.
 Когда мы вмѣстѣ, глазъ на глазъ,
 То мнѣ сдаешся всякой разъ,
 Чшо будно говорю складите,
 Дышу свободнѣе и чувствую смѣлѣе!
 Зимой же — правду пы сказалъ, любезной другъ—
 Гдѣ, гдѣ удастся намъ, какъ дѣлому, бышь самъ-
 другъ...

Новошъ—посшой на часъ—пришла мнѣ мыслькакая:

Когда зима лухая

Намъ будешъ видѣшься мѣнашь,
 То знаешъ ли, себя чѣмъ можемъ ушѣванъ?...
 Прекрасно! шочно шакъ! Ну полножь гореванъ!

Титишь.

Чѣмъ? говори скорѣи!

Дорида.

Мы снганемъ на досугѣ
 Почаще думать другъ о другѣ,
 Или прошедшее на память приводишь,
 А это все равно почши, чшо вмѣстѣ бышь.
 Вошь напрымѣръ: когда вечернею порою
 Мы соберемся всей сѣмьёю
 У алаго огня,
 Тогда себѣ предспавлю я,
 Чшо, можешь бышь, и пы съ своей роднѣю
 Сидишь у огонька — задумаюсь — и вдругъ.....

Вдругъ мнѣ покажется, какъ будто ты со мною,
 Что будто близъ меня ты, мой безцѣнный другъ!

Не то, такъ сдѣлаю другое:

Я вспомню про весну, про лѣто золотое,
 Про игры, рѣзвости, забавы — а у насъ

Безъ нихъ бывало ни на часъ —

Тутъ придетъ мнѣ на мысль любимый нашъ лѣсочикъ,
 Гдѣ часомъ ты меня такъ сладко цѣловалъ;
 Тонь каждый ручеекъ, шонь холмикъ, шонь кус-
 пючикъ,

Гдѣ неожиданно Дорида ты встрѣчалъ,
 Гдѣ спящую меня свирѣлю пробуждалъ.
 Припомню, словомъ, все — и мнѣ вообразится,
 Что я не въ хижинѣ, а въ полѣ, и весной;
 Что все вокругъ меня цѣленье и веселие;

Что ты со мной;

Что будто въ самомъ дѣлѣ

Я слышу звукъ твоей свирѣли;

Что будто вправду ты меня

Цѣлуешь спящую, вонь шамъ, гдѣ верхъ склона,
 Ручей берега осѣнила!

Титиръ.

Дорида! ты меня любила!

Дорида! рѣчь твоя, какъ бѣлый медъ сладка!

Теперь уже печаль Титира далека:

Ты, ты ее изъ сердца воспребила!

Пускай придетъ зима, пусть снѣгъ покроешь луть,

Насупянитъ вьюги и морозы —

Поблекнуть ли опъ нихъ, пивон, мой милый другъ,

На полныхъ щечкахъ розы?

Нѣтъ, съ холоду онѣ алѣе разцвѣтунѣ.

Пусть — но чего конечно не случится —
И цѣлыя для насъ недѣли такъ пройдутъ —

Чего разлуки намъ спрашивать?

Тамъ ивишь ее, гдѣ вѣрная любовь!

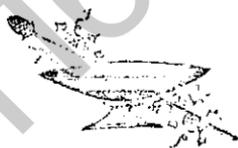
Ты въ эпозъ лишь шеперь Тишира убѣдила,
Безъ умыслу меня такъ мило приспыдила.

Дорнда.

И какъ же радосно весну мы всирѣшимъ вновь!

Титиръ.

О, дай Богъ, чинобъ зима скорѣе приходила!

И Д И Л Л И Я ХХІ.

Выздоровленіе Ликаста.

Чудесно Пасиунокъ Ликастъ освободился
Недуга тяжкаго, копорымъ онъ сирадалъ.
Тогда была весна: міръ юностию блисналь,
И вьюзь казалоса, въ Эдемъ преобразился;
Дни снаповались красіею и красій.

Ликастъ старалъ оны нешеритныя

Взглянушь среди полей

На общій пиръ шворенья.

О! какъ забилось сердце въ немъ,

Когда однимъ прекраснымъ днемъ,

Покинувъ скучный одръ, и вышедъ изъ селенья,

Остановился онъ падь серебрянымъ прудомъ,

Въ мѣсцахъ, гдѣ проводилъ любилъ часы полдневны!

Кругомъ его поля, цвѣтами испещренны,

Предъ нимъ зеркало вода,

Въ котлоромъ неба сводъ

И берегъ зрѣлся опраженны;

Вдали верхи синѣлись горъ;

Служь нѣжилъ сладкій пшичекъ хоръ,

А въ слабу грудь, съ дыханьемъ,

Цвѣтущихъ яблоней, грушъ, вишенъ и сирень

Лилось благоуханье.

Красой природы восхищенъ ,

Священнаго исполненъ умиленья ,

Паснухъ на небо взоръ возвелъ

И тихо произнесъ въ жару благоговѣнья :

„О Панъ! еще ли восхождь

Вновь даровать мнѣ жизнь, дни возвратишь ошрады?

Ещель люблюсь я весной,

Свѣтъ вижу солнечный , сводъ пшверди голубой,

Вдыхаю воздухъ ароматный?

Такъ я живу! и жребій благодатный

По прежнему благословлю мой!

Ахъ! не со мною ль вы еще, друзья, родныя?

Не съ вами ли, отецъ и мать,

Какъ было, провожу минуны дорогя?

А очи Ыиса голубыя

Не говорятъ ли мнѣ: *люблю тебя!* ошаня? —

О милосердый Богъ! чѣмъ, чѣмъ могу возданъ

За благоснн шолки?

Мои спяжанья не велики:

Всего лишь два баранка у меня;

Но завтра принесу пнебъ обоихъ я!“ —

На ушрѣ, едва взошло свѣшило дня,

Какъ въ храмѣ Пановомъ огнь жернивенный курился,

Предъ нимъ Ликаснъ молился.

И Д И Л Л И Я ХХІІ.

С Н О В И Д Ъ Н І Е.

Меналкъ.

Ты кажешься грустнымъ, любезный Миконъ?
Скажи, что случилось съ побою?

Миконъ.

Меня потревожилъ сегодняшний сонъ:
Посмвися Меналкъ надо мною.

Меналкъ.

О, вѣрно ты видѣлъ подземныхъ боговъ?

Миконъ.

Напроривъ. Послушай: мнѣ снилось,
Что будто десятокъ, иль больше, годовъ
Съ меня непримѣнно свалилось....

Меналкъ.

Увы! это только во снѣ набѣду.

Миконъ.

Что будто, спавъ юношей снова,
Въ какомъ-то обширномъ, прекрасномъ саду,
Подъ пѣвнью мирна гуслова
Лежалъ я на мягкой душистой травѣ;

Въ кустахъ соловьи распѣвали;
 Зефиры жь, скрываясь въ цвѣтахъ, муравѣ,
 Прохладой въ лице мнѣ дышали;
 А шумъ водопада въ сосѣднемъ лѣсу,
 Сквозь чашу деревъ проникая,
 Все больше и больше склонялъ опъ часу
 Къ дремошѣ . . . .

Меналкъ.

И пы, засыпая . . . .

Миконъ.

Я неспалъ. Вдругъ, вижу, подходилъ ко мнѣ
 Пасхушка, осанкой богинѣ —
 Цвѣтущей красою подобясь веснѣ —
 (Взоръ дѣвы, склоненный къ корзинѣ,
 Глубокую сердца печаль выражалъ);
 Приблизилась — смала — взяла —
 И что же? Кого я въ Пасхушкѣ узналъ? . . .
 Дориду!

Меналкъ.

Дочь спарца Эвула?

Миконъ.

Дориду, подругу младенческихъ лѣтъ,
 Кошорой любовь озарила
 Блаженствомъ Миконовой жизни разсвѣтъ,
 Завидную участь сулила!
 Кошорую воля всеильныхъ боговъ
 Дѣяниной жрицей назвала

Въ то время, какъ нѣжності счастливыхъ опцовъ

Намъ брачный вѣнокъ соплепала!....

Прельщенъ, очарованъ видѣнемъ шакимъ

Я бросился къ милой, но прежде,

Чѣмъ обнялъ, видѣнѣ исчезло какъ дымъ —

Лишь руки коснулись къ одеждѣ —

И я, пожалѣй, пробудился отъ сна!

Меналкъ.

Такъ зно тебя возмущаешь? —

Не дважды въ печеніи года весна

Цвѣтами поля убираешь —

Не дважды, поварищъ, намъ бышь молодымъ.

Ты за придцанъ за нянь считаешь,

Сливень въ окошкѣ разумнымъ шакимъ,

Самъ твердо увѣренъ и знаешь,

Что прошлаго снова нельзя ворожить,

А хочешь (какъ другъ, поѣбяю)

Ребенокъ! бѣгущую пѣвѣ изловишь.

Миконъ.

О, слишкомъ увѣренъ и знаю!

И завпра охотно гошговъ надъ собой

Съ побою же вмѣстѣ смѣяпсь;

Но нынѣ съ прелеснпой о прошломъ мечной,

Повѣрь мнѣ, не въ силахъ разснпаться!

Какъ осенью солнце внезапно блеснеть,

Прощаясь съ унылой природой,

И пшичка весеннюю пѣсню поешь,

Обмануна лсной погодой:

Такъ я, обольщенный сегодняшнимъ сномъ,
Хотѣлъ бы на время забыться;
Иль лучше, хотѣлъ бы увѣриться въ томъ,
Что онъ наяву продолжится!

СП6ГУ

Ug. v. XXIII.

F. G. G. G. G. G.

Ip. G. G. G. G.

И Д И Д Л Я ХХІІІ.

СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ.

И Таскучить водной глубиной
И рыбъ бесѣдой молчаливой,
Наяда юная полдневною порой
Ошь соиною манери укралась поропливо,
И вышла изъ рѣки. О прелесть! по плечамъ
    Белолещейчымъ, полнымъ,
    Но двенводемъ грудемъ
Спрулася гусиныхъ власовъ зланныя волны;
Уша, доспойныя лобзанія боговъ;
    Данипы розами алѣи;
    Глаза, какъ небо голубѣли:
    Спанъ гибкой . . . гдѣ найду я словъ
Къ приличному всего изображенью?
    Такъ у Цишерскихъ береговъ,
Олимпъ звѣздаго и смерныхъ къ удивленью,
    Изъ пѣны нѣкогда морской
Явилась Зевса дщерь. — Весенне время года,
    День ясный, тихая погода,
    Всему давали видъ иной,
Великолѣпнѣйшій. Наяда засмопрѣлась:
Здѣсь зеленъ, намъ цвѣты ея пѣняли взоръ;

Сюда, въ лѣсокъ, манилъ согласный ппичекъ хоръ;
 Тамъ живописная цѣпь холмиковъ видѣлась —
 И любопытная ужь далеко оны вѣдь.
 Куда ты, милое, невинное шворенье,

Краса красонь?

Помедли хоть одно мновенье —

Дай наглядѣться на себя!

Ахъ! въ чащѣ эшаго куснаришка гуснова,
 Гдѣ скрылся ты изъ глазъ гонова,
 Саширь влюбленный ждешь себя!

Онъ видѣлъ разъ, какъ ты въ сиружѣ рѣки плескалась,
 И сирасивъ въ мохнату грудь закралась,

Но щещино здѣсь его свирѣлю изливалась —

Ты не хонѣла понимаешь;

Моглалижь, презрѣнна, шеперь она дремашь?

Поспой, безпечная! коварный прищасался;

Онъ ждешь себя ... Увы! Нада ужь въ куснахъ,

И мигомъ передъ ней, о сирахъ!

Роганый очутился.

Какъ лань, гошима спашей псовъ,

Дешинь, не примѣчая

Ни рышвинь, ни бугровъ,

Такъ Нимфа до земли почши не досягая,

Окресшность воплемъ наполняя,

Пущилась къ берегу. Саширь за нею вслѣдъ;

Уже онъ догонялъ, уже ея касался,

И ошъ преспушнаго восшорга задышался;

Спасенія, казалось, нѣтъ;

Какъ вдругъ, ошкуда шущь ни взялся,

Паспухъ на помощь къ ней:

Въ лѣсъ бросился Саширь, въ спруяхъ сокрылась дѣва;
Но гдѣ укроется родительскаго гнѣва? —

Печально юный Мелибей
(Такъ избавишель назывался)

Вблизи шѣхъ мѣстѣ скипался,
Искалъ цѣлебныхъ правъ для хвораго онца,
Но наснавленію жреца. —

Еще взоръ юноши, за Нимфой устремленный,
Мнилъ образъ зрѣть ея, волнами поглощенный,
Какъ нѣкій дивный гласъ раздался въ глубинѣ:

„Спасишель дочери преслушной,
„Вспухъ великодушной!
„Скажи, вѣщаль онъ, мнѣ,
„Что пребуешь въ награду?

„Умножишь ли своихъ овецъ?
„Обильное ли дань плодохворенье саду?
„Вручишь ли хищрый шотъ рѣзецъ,
„Конорымъ лишь Тирсисъ и Демофонисъ владѣли?
„Вдохнушь ли даръ играшь, какъ Дафнисъ, на свирѣли,
„Нѣ все сіе имѣшь желаешь вдругъ?
„Не медли, отвѣщай!“ — О божество благое!

Воскликнулъ, съ пренешомъ повергшійся Паспухъ,
Чѣмъ заслужилъ даданіе такое?

Я сдѣлалъ то, что сдѣлалъ бы другой;
Но если ны ко мнѣ споль милосервие нынѣ,
То пущь родишель добрый мой

Возстанеть опъ одра: онъ спираждеть, при кончинѣ!
Спаси его, молю! — „Да будеть!“ — Голосъ рекъ;
И спарецъ изнуренный, хилый,
Сползній на краю могилы,
Вновь ощушилъ въ себѣ здоровье, прежни силы —
Еще его продмился въкъ.

И Д И Л Л И Я XXIV.

Р Е В Н О С Т Ь .

День лѣпный вечеромъ прекраснѣйшимъ смѣнялся.
Вдругъ неожиданно оный сѣвера промчался

Суровый вѣтръ по деревьямъ,
По нѣхимъ, зеркальнымъ водамъ;
Прудъ посиѣлъ и всколыхался;
Взвилась дорогой пылъ снѣгомъ;

Блеснула молнія, и ошалаенный громъ
Въ глухихъ по небесамъ ошывахъ прокапился.

Паспушки, паспухи, встревожены грозой,
Бѣжали по полю со всѣхъ сторонъ домой;

Одинъ Филень не шевелился,

Печально опершись на обгорѣлый пенъ. —

Увы! оный въ эпоны самый день,

Любовникъ слишкомъ спраспный,

Всю муку ревности на опытъ узналъ. —

Ахъ! кто любилъ и не спрадалъ?

„Пускай они бѣгутъ—такъ говорилъ несчастный—

Хочу остаться здѣсь. Сей грозный неба видъ,

Съ жестокой бурей души моей согласный,

Меня теперь не спрашивай,
 Мне весело сморщиться на ужасы природы,
 На эпосы яркой молнии блеск,
 На хлещущий в берег воды,
 Внимай их шум и грома прескь! "...

„Вопи до чего меня ты, Сильвия, доводишь!
 Неблагодарная! скажи, что сдѣлалъ я?
 Кого изъ паспуховъ находишь,
 Ктобъ шакъ умѣлъ любить тебя?
 Предупреждаешь нивою, угадываешь желанья,
 Малѣйшей ласкою нивою дорожишь,
 И не хощешь за все ниваго воздавать,
 Какъ развѣ поцѣлуй украдкой получишь?
 Межь шѣмъ, когда другой..... Ахъ, что и говоришь!
 Ты это видишь, знаешь,
 И будно какъ на смѣхъ,
 На зло любви моей, съ ирѣяноснью опъ всѣхъ
 Услуги разныя, подарки принимаешь!
 Съ дамопомъ плясешь до утра,
 Съ Тименасомъ поешь, съ Ариспасомъ играешь!
 А помъшай шѣбъ, напомни, что пора
 Идти домой изъ хоровада —
 Другая, новая певзгода!
 Ты пошчасъ—слова нѣшь—плясать переспасешь,
 Но уходя, съ шакимъ упрѣкомъ
 Своими черными глазами поведешь,
 Что даже въ самомъ свѣ глубокомъ
 Они, мечтаясь мнѣ, смущающъ мой покой! —

Навѣкъ покину край родимый,
 Хочу (и завтра же, покуда спишь она)
     Украсишь съ ея окна
 Подарокъ мой, узорчатую кружку,
     Разбьешь ее на мѣлкіе куски,
     И съ корнемъ выдержишь цвѣтки,
 Которые, когда еще любилъ Паспушку,
     Я самъ развелъ въ ея саду:
     Пускай, когда ошсель уйду,
         Когда меня не спанешь,
 Ей обо мнѣ ничто не напоминаешь! —

Едва заря другаго дня
 Спруей пурпуровой небснаго огня
 По омраченному востоку пробѣжала,
 И ошразилася по горнымъ высотамъ,
 Филешъ ужъ былъ въ саду. Но что увидѣлъ шамъ?
 Увидѣлъ Сильвію, которая спояла,
     Склонивши влоръ къ его цвѣшамъ;
     Услышалъ, какъ она сказала:
 „О боги! цѣлаго ни одного почши!
     „Всѣ бурюю вчерашней поломало!
     „Такъ, имъ ужъ больше не цвѣспи,
 „Не упѣшашъ меня!... Я по часамъ бывало
     „Смотрю, люблюся на нихъ,
     „И думаю всегда объ эпюмъ:
 „Они посажены для Сильвіи Филешомъ,
 „А онъ... онъ милый мой, и, можешъ быть, женихъ!
 „Теперь—зачѣмъ приду въ свой садикъ опустѣлый?“ —

Филетъ не вѣрилъ самъ себѣ,
 Споилъ въ куснахъ окаменѣлый,
 Дивился Сильвіи и собственной судьбѣ. —
 „Ахъ! повтори еще, что ты сей часъ сказала!—
 Вскричалъ онъ наконецъ—дай мнѣ услышать вновь,
 Что дорога тебѣ Филетова любовь,
 Что ты ему не изменяла!“

Сильвія.

Ахъ! это ты, Филетъ? какъ блѣдень и смущень!...
 Какой вопросъ!... Еще ли мнѣ не вѣришь?

Филетъ.

О! если ты не лицемеришь,
 То я... иль видѣлъ сонъ, иль былъ обворожень!
 Скажи, съ кѣмъ ты сидѣла
 Вчера въ орѣховыхъ куснахъ?
 Но ты, мнѣ кажешься, краснѣешь, обомѣла?

Сильвія.

Ахъ, успокойся, не сердись!
 Паспухъ, копорого вчера со мною видѣлъ,
 Былъ старшій братецъ мой, Тирсисъ.
 Филетъ! ты Сильвію обидѣлъ!

Филетъ.

Тирсисъ? но деснятъ уже лѣтъ,
 Какъ о Тирсисѣ слуха нѣтъ?

Сильвія.

Да; онъ похищенъ былъ разбойниками злыми,
 И вскорѣ варварамъ какимъ-то продавъ ими;
 Въ неволѣ плажкой жилъ; шамъ выросъ, возмужалъ,

Ждалъ случая уйши, нашель — и убѣжалъ
 Пойдемъ, пойдемъ къ нему! теперь онъ вѣрно вспаль.

Филетъ.

Возможно ли!... какъ глупъ я съ ревностью моею!
 Снизжусь, и на себя взглянушь почини не смѣю.
 Просни меня, просни!

Сильвiя.

Прощаю ошь души!

Я съ живоспью моею не меньше винована.

Но посмотри: уже дымятся шалаши;

Пойдемъ; узнаешь ли ны бранца?

Тунъ обиялись они,

Спо разъ поцѣловались:

Когдажъ желанiя сердце ихъ увѣчались —

Честа примѣривъ—вели шакіе дивъ,

Чно ихъ согласіемъ другіе любовались.

И Д И Л Л И Я XXV (4).

О с е н ь .

Мрачно Октябрьское небо ;
Печалень природы ошцвѣннїя видь ;
Ни взору, ни слуху ошрады :
Душа увываеть и сердце невольно груститъ ! —

Солнце во мглѣ пошощуло !..
Бывало вершины лѣсенныхъ холмовъ ,
Сїяя, мнѣ дель возбѣщанень ;
А запада пурпурь и розовыхъ сонь облаговъ ,
Въ зеркаль водь ошражаясь,
Зовунъ насладишься картиной другой.
Теперь же гусиные шуманы
Скрывающъ холмы и дымомъ вешающъ надъ рѣкой.

Прежде сквозь энционъ кусшарникъ
Невидимо шихїй кашидея ручей ;
Теперь онъ пошочкомъ сединымъ
Сшремшя, шуминъ и межъ голыхъ свергаентъ
вѣшней.

Овцы разсѣянно бродящъ ;
Голодныя ищунъ близъ корней дерѣвъ
Ошашковъ шравы уцѣлвнтей ;
Воловъ заунывннй въ долинь мнѣ слышшяся рѣвъ,

Теплой окушай одеждой,
 Паспужь, пригорюнясь, на камнѣ сидишь;
 Товарищъ его наразлучный,
 Собака, не ласшился больше къ нему и скучишь. —

Позднѣй цвѣнокъ колокольчикъ!
 Недолго пропоники тебѣ украшашь:
 Суровую осеь рукою
 Готова послѣднее Флоры убрасиво пожань! —

Мрачно Октябрское лебо;
 Печалень природы ошцвѣнишя видь;
 Ни взору, ни слуху ошрады:
 Душа унываецъ и сердце невольню грустишь! —

Смѣнря на желтые лисня,
 На ликъ померивѣльнй окреснишй сшрацы,
 Со вздохомъ себя вопрошаю:
 Дождусь ли я снова, дождусь ли возврата весны?
 Роци одвиусясь въ зеленъ?
 Распусшяшясь въ полѣ душисны цвѣны?
 Раздасшя ли пѣнне пничекъ
 Въ часъ ушра съ безоблачной, ясной небесъ высоты? —

Роци одвиушя въ зеленъ,
 Распусшяшясь въ полѣ душисны цвѣны,
 Попрежнему пѣнне пничекъ
 Раздасшя съ безоблачной, ясной небесъ высоты:
 Тыжъ, пролетѣвшя быспро,
 Какъ призракъ прелеснишй минушнаго сна,
 Сокрившисъ, увянувъ однажды,
 Ко мнѣ не воропишя больше, ны, жизни весна!

Тщетно, съ душой возмущенной,
 О дняхъ наслажденій я буду вздыхать,
 Безцѣнные первыя чувства!
 Васъ, дружба, любовь и невинность къ себѣ призываю:
 Опышъ холодной рукою
 Сжалъ сердце, пылавшее въ юной груди;
 Дѣла научили разсудку,
 Но сколько же милыхъ сокрыли надеждъ впереди!
 Дружба, обнявшись съ любовью,
 Рыдающе и кажуше мнѣ гробы вдали:
 Тамъ лучшіе спутники жизни!
 Но ахъ! имъ не всташа на призывъ мой, не всташа
 изъ земли!...

Мрачно Октябрское небо!
 Печалень природы опцвѣтшія видъ;
 Ни взору, ни слуху оспрады:
 Душа унываетъ и сердце невольно груститъ! —

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1). Некоторые Писатели утверждаютъ, что въ подобныхъ паспущескихъ спорахъ, не только число стиховъ въ куплетахъ, но и самый размѣръ стиховъ, должны быть совершенно одинаковы у обоихъ пѣвцовъ. Сохранивъ здѣсь первое, я позволю себѣ опустивши оныя выносаго; ибо увѣренъ, что если размѣръ пѣсни можетъ служить [при численіи] некоторою замѣною голоса или напѣва, то сіе различіе онаго представляяетъ возможность дать пѣнію того и другаго лица различныя звуки.

2). Завѣтъ памѣтано и въ виду Дафниса, о комъ говорится въ первомъ примѣчаніи къ Предисловію. Если разсказъ его покажется кому либо невольнымъ и истиннымъ жаромъ, превышающаго краснорѣчіе, даже Аркадскаго паспуща, то прошу вспомнить, что Дафнисъ былъ Поэтъ, воспѣванный Музами, вдохновенный богами. Впрочемъ языкъ спраши краснорѣчивъ обыкновенно.

3). Извѣстный Греческой словѣконнависпникъ. Онъ родился около 420 года въ Аппихѣ, въ городкѣ Калинѣ, и не скрывалъ

ни оиъ кого жестокой своей ненависти къ чело-
вѣческому роду. Не мудрено, что оиъ, ски-
паясь по лѣсамъ, сдѣлался извѣстенъ и между
паспухами.

4). Сія двадцать пятая Идиллія написана
уже тогда, когда Предисловіе было оппечата-
но, и попому тамъ исчислено только двадцать
четыре. Мнѣ присовѣтовали помѣстить ее въ
семъ собраніи. Наблюдательный читатель ко-
нечно замѣтитъ, что она оппичается оиъ про-
чихъ какъ расположеніемъ своимъ, такъ и ха-
рактеромъ самаго содержанія; однимъ словомъ:
оиъ найдеть, что ее можно оппнести къ роду
Идиллій Гжи Дезульеръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
ИДИЛЛИЯ I. Происхожденіе свирѣли [1811]*) 1.	
II. Меналкъ и Тиренсъ [1811].....	4.
III. Мечпанасель Миршилъ [1817]..	10.
IV. Палемонъ и Дамонъ [1816].....	14.
V. Тиренсъ [1818].....	17.
VI. Милонъ [1816].....	20.
VII. Амвиль и Хлоя [1818].....	22.
VIII. Влюбленный Сильванъ [1817].	26.
IX. Дафнисъ и Дамель [1815].....	31.
X. Молинка осещимъ упрямъ [1814].....	38.
XI. Цасъ [1814].....	40.
XII. Факлида и Коридонъ [1815]...	42.
XIII. Дафнисъ и Милонъ [1816].....	46.
XIV. Коридонъ [1817].....	52.
XV. Палемонъ [1818].....	55.
XIV. Изгнанникъ Алексисъ [1815]..	58.
XVII. Большой [1816].....	62.
XVIII. Возращеніе на родину [1814]	65.

---

*) Никто, конечно, не подумаетъ, чтобы сія и другія, за нѣсколько лѣтъ назадъ написанныя Идилліи, являлись здѣсь въ первоначальномъ своемъ видѣ: онѣ столько разъ были исправляемы, что нѣкоторыя сохранили, можетъ быть, одно прежнее содержаніе.

	Сыгран.
ИДИЛЛЯ XIX. Дамешъ [1819].....	68.
XX. Дорида и Тиширъ [1811]... ..	72.
XXI. Выздоровленіе Ликаспа [1815].....	77.
XXII. Сновидѣніе [1819].....	79.
XXIII. Сыновьяя любовь [1815]....	83.
XXIV. Ревноспь [1819].....	87.
XXV. Осень [1819].....	93.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Читай:

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>		
IV	25	форму.....	характеръ
V	18	Еклогъ	Еклогъ
VII	4	покм	покло
XIX	8	склонность.....	склонность —
15	19	расшироганна...	расшироганна
14	—	ИДЦЛЛЯ VI.	ИДЦЛЛЯ IV.
55	16	Даметь.....	Дафинсь.
36	6	Минуль цѣлый	Минуль цѣлый
		мѣсяць.....	мѣсяць —
65	17	О, пособи же мнѣ	О, пособи же мнѣ
		скорѣ?.....	скорѣ!
78	11	Такъ я живу!..	Такъ, я живу!

СП6Гу

СП6Гу

СП6ГУ

С 17677